10 (112) май 2012

РОССИЙСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ГАЗЕТА

СВЯТОЙ ПОКРОВ

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

Бесконечный хлеб

стр. 15

Состоялось подписание соглашения между Управлением образования администрации города и епархией

2 мая 2012 года в Епархиальном управлении состоялось подписание соглашения о сотрудничестве между Управлением образования администрации города Чебоксары и Чебоксарско-Чувашской епархией, сообщает ***сайт Чебоксарско-Чувашской епархии.***

Соглашение подписали начальник Управления образования Сергей Владимирович Кудряшов и Высокопреосвященнейший Варнава, митрополит Чебоксарский и Чувашский. При подписании соглашения присутствовали секретарь епархии протоиерей Николай Иванов и председатель Епархиального отдела по религиозному образованию и катехизации иерей Димитрий Нестеренко.

В этот же день в Министерстве образования Чувашской Республики состоялась встреча председателя Епархиального отдела по религиозному образованию и катехизации Чебоксарско-Чувашской епархии иерея Димитрия Нестеренко с министром образования ЧР Владимиром Николаевичем Ивановым, в ходе которой обсуждались вопросы конструктивного взаимодействия епархии и Министерства образования в образовательной сфере.

Память преподобномученицы Тамары (Сатси)

1 мая исполнилось 70 лет со дня преставления новомученицы земли Чувашской – преподобномученицы Тамары (Сатси), сообщает ***сайт Свято-Троицкого мужского монастыря г. Чебоксары.***

В этот день в Спасо-Преображенском женском монастыре г. Чебоксары было совершено богослужение святой преподобномученице Тамаре (Сатси). Всенощное бдение с литией накануне вечером и Божественную литургию с молебном и Крестным ходом в сам день праздника возглавил архимандрит Василий (Паскье), наместник Свято-Троицкого мужского монастыря г. Чебоксары, председатель Епархиальной комиссии по канонизации святых. Ему сослужили клирики благочиния и монастыря. В поздравительном слове, сказанном архимандритом Василием, игуменье обители Сергие, было отмечено с каким теплом приняли сестры служащих братий, с каким благоговением сестры пели и читали за богослужением и как почитают святую Тамару – покровительницу своей обители. Матушка Сергия в ответном слове поблагодарила отцов священников за службу.

Круглый стол «Молодая семья в современном мире»

4 мая в Национальной библиотеке Республики для обсуждения такой важной темы как «Молодая семья в современном мире» собрались представители всех Православных молодежных клубов г. Чебоксары и г. Новочебоксарска, сообщает ***Молотдел. ru.***

Тема круглого стола была выбрана не случайно, ведь средний возраст молодых людей в клубах 20 лет и некоторые уже заключают браки перед Богом, соответственно возникают многие вопросы, связанные с семейной жизнью на которые на круглом столе участники постарались, во главе с руководителем епархиального отдела по работе с молодежью иереем Максимом Курленко, вместе ответить.

Одним из гостей мероприятия стала Кушева Н.Н. – координатор центра охраны жизни, ответсвенного материнства и отцовства при Чебоксарско-Чувашской епархии. Наталья Николаевна представила молодежи новое издание Екатеринбургской епархии «Нравственные основы семейной жизни».

Все участники единогласно поддержали идею о том, что до конца такую обширную тему раскрыть за один круглый стол достаточно сложно и стоит провести цикл круглых столов с данной тематикой.

Организаторы встречи: епархиальный отдел по работе с молодежью, Православные молодежные клубы г. Чебоксары и г. Новочебоксарск.

Престольный праздник в Цивильской женской колонии

6 мая 2012 года, в неделю о расслабленном, в день памяти святого великомученика Георгия Победоносца, прошли престольные праздники в двух колониях Чувашской республики, сообщает ***сайт Чебоксарско-Чувашской епархии.***

Память своего покровителя великомученика Георгия Победоносца праздновали в мужской колонии Новочебоксарска ФКУ ИК-6 и женской Цивильской ЛИУ-7. Здесь в честь этого святого освящены храмы. В женской Цивильской колонии ЛИУ-7 в этот день совершил Божественную литургию иерей Михаил Педюсев. В честь празднования порадовать прихожан слаженным пением приехал хор воскресной школы из Воскресенского храма г. Чебоксары. Дети пели Божественную литургию. После службы настоятель с прихожанами прошли крестным ходом вокруг храма.

Разделив со своими пасомыми праздничную трапезу, отец Михаил крестил своих будущих прихожан, а ребята воскресной школы отправились в клуб на сцену, чтобы показать сказку «О том, как растаяла Снежная Королелева».

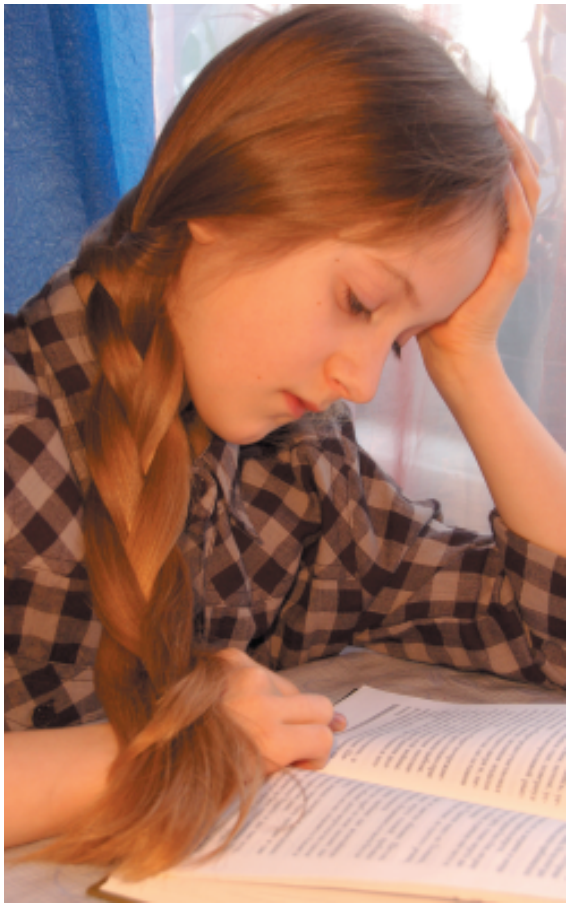
Юлия Вознесенская

ВЕТРЕНИЦА

РАССКАЗ

Обычно после Литургии в любимой Сергиевой пустыни Елена Константиновна домой возвращалась умиротворенная и помолодевшая. Сегодня она еще и причастилась Святых Христовых Таин, а вот все же что-то ее беспокоило и томило сердце.

Садилась она всегда на кольце трамвая, место выбирала у окна, одиночное, чтобы по дороге из храма домой ни на что пустое и житейское не отвлекаться. Но в этот раз она глядела на скромный пригородный пейзаж за окном, а сердце продолжало щемить какой-то непонятной грустью. Да, место сегодня оказалось не столь



удачным: солнце с синего апрельского неба светило ей прямо в глаза. Она терпела, сколько могла, только голову опустила, но когда трамвай всего одну остановку не дошел до места ее пересадки, к станции метро Автово, бедное сердце ее кольнуло снизу острой иглой да так, что она от неожиданности громко ахнула. Пассажиры на нее заоглядывались, и она очень смутилась.

С собою у Елены Константиновны был аптечный пузырек с корвалолом, была и маленькая бутылочка из-под минералки с чаем, чтобы запить, но не разводить же было процедуру лечения прямо в трамвае, не всем нравится, как пахнет корвалол! Тем более, что ей через остановку выходить – она уйдет, а запах останется. Нет, не хорошо это, и она решила выйти прямо сейчас, на остановку раньше, у Красненького кладбища: зайдет она на кладбище и там спокойно выпьет лекарство не на глазах у прохожих. Заодно и помолится, помянет всех своих еще раз, Радоница же сегодня: хорошо в этот день помолиться не только в храме, но и на кладбище, пусть даже у чужих могил. Свои-то могилки у нее по всему городу, до них сегодня уж никак не добраться, при таком ее состоянии.

Она сошла с трамвая и тихонечко, чтобы не потревожить сердце, побрела к растворенным кладбищенским воротам. Вошла, прошла немного по главной аллее и увидела скамеечку. Села, достала лекарство и запивку, отвинтила крышечку с бутылки, накапала в нее 30 капель, долила слабеньким чаем с лимоном, выпила, потом еще запила несколькими глотками уже прямо из бутылки. Облокотилась на спинку скамьи и стала ждать, пока ей полегчает.

И вдруг неожиданно вспомнила, как последний и единственный раз была она на этом самом кладбище! Боже мой, это сколько же лет тому назад было? А что считать, когда можно просто сказать, что было это целую жизнь тому назад, а точнее – через три года после войны.

* * *

Леночка росла девочкой спокойной и послушной, каких тогда, через три года после войны, в Ленинграде было большинство. В школе она была отличницей и маме особых хлопот старалась не доставлять. Она понимала, как тяжело маме с нею и с пятилетним братиком Сережкой, капризным болезненным шалуном и маминым баловнем. А как его было не баловать, если малыш, родившийся в конце блокады, все болел и болел? Папу Сережа, в отличие от Лены, совсем не помнил и по молодости лет не понимал, что мама до сих пор о нем тоскует и надеется на его чудесное возвращение – бывают же такие случаи... А Лена мамино горе понимала всем сердцем. Ей тоже было плохо без папы, но она-то знала, что маме еще хуже. Мама даже сердилась на папу.

Отец Лены всю блокаду проработал старшим мастером на Кировском заводе, почти не выходя с него, и редко-редко появлялся дома. А когда блокаду прорвали, он добился отправки на фронт, хотя у него была бронь от завода. И там он погиб «смертью храбрых», как было написано в похоронке. Вот за это мама на него до сих пор и сердится, ведь он мог бы остаться на заводе и уцелеть.

«За Леночкой смотреть особо не надо, она у меня умница! И передник сама себе погладит, и

воротничок свежий пришьет и даже чулки сама себе штопает!» – как-то похвасталась мама соседке, а Лена нечаянно услышала и очень обрадовалась. Мама, конечно, и приласкать Лену могла, и на ночь всегда ее целовала со словами «Спокойной ночи, доченька!», а вот в глаза никогда не хвалила. Наверное, считала, что это вредно – детей в глаза хвалить. Так что больше таких слов в свой адрес Лена не слышала, но и раз услышанного она не забывала и старалась мамины слова оправдать: надеялась, что мама когда-нибудь кому-нибудь еще разок похвалит Лену, а она возьмет и услышит.

А в тот день услышала она совсем другие слова: «Не возвращайся в школу без дневника или без матери!» И от кого услышала – от любимой классной руководительницы Любови Ильиничны, всеми девочками в классе обожаемой Любушки! Одноклассницы смотрели на Лену с осуждением, страхом и тайным стыдливым облегчением, будто каждая думала про себя: как хорошо, что это не с нею случилось...

А что случилось-то? На уроке ботаники, который вела Любушка, вредина Корсакова исколола ей все ноги остро отточенным карандашом. У нее, видите ли, ботинок спереди порвался, стал «каши просить», так она вставила в дыру карандаш стала им под партой тыкать Лену в ноги. Ну, в общем, Лена терпела, терпела и не выдержала. Она осторожно развела ботинки в стороны, нащупала ими орудие вредной Корсаковой и изо всех сил сжала ботинками: раздался громкий хруст, а потом рев Корсаковой: «А-а! Петрова мой карандаш слома-а-ала!...»

Если бы набраться храбрости и все рассказать по порядку Любушке, то, может быть, ничего бы и не было. Любушка обычно понимала «своих девочек», она даже защищала их от завуча, если они шалили на переменке, бегали по коридору, например. Но у Лены будто язык замерз и не двигался: не станет же она ябедничать на глупую вредину Корсакову, той ведь и так дома за сломанный карандаш достанется.

– Положи мне на стол свой дневник, Петрова! – сказала Любушка.

Лена открыла портфель и почти сразу же увидела, что дневника в нем нет. На всякий случай она выложила все учебники и тетрадки на парту, но дневника не было.

Она догадывалась, куда он пропал. Утром, перед школой, кладя в портфель завернутый в салфетку и газету завтрак, она обнаружила, что чернильница-непроливашка в портфеле каким-то образом перевернулась и уронила большую каплю чернил прямо на обложку дневника. Наверное, Лена немножко перестаралась, когда наполняла ее, вообще-то непроливашки не проливаются, потому они так и называются. Она сменила обложку на дневнике, а надписать его решила позже, в школе. Тут ей в голову пришла мысль: а не запачкались ли чернилами и другие тетради и учебники? Она выложила все из портфеля на стол, чтобы проверить. Потом не просто осмотрела внутренность портфеля, а взяла новенькую промокашку и прошлась по подкладке – не впитает ли промокашка какое-нибудь незамеченное пятнышко чернил? Но больше никаких клякс обнаружено не было, и Лена, торопясь, чтобы не опоздать в школу, сложила книжки, тетрадки и пенал обратно в портфель. Завтрак тоже не забыла. Вот тут-то она, наверное, и проглядела дневник, оставшийся на столе! Поэтому она просто стояла, опустив голову. А Корсакова, поглядывая на нее одним глазом, так и заходилась притворными слезами. Впрочем, карандаша-то ей было и взаправду жаль, не станет же мама покупать ей каждую неделю новый карандаш. Тем более, что придется еще новые ботинки покупать или эти чинить, что тоже стоит денег.

ПРОЗА

– Где же твой дневник, Петрова?

– Не знаю... Наверное, дома забыла.

Вот тут и прозвучали те ужасные слова:

– Ступай домой за ним. И не возвращайся в школу без дневника или без матери!

Вот тут бы ей собраться с духом и все объяснить, но она не сумела. Постояла еще с минуту, а потом пошла к двери и вышла из класса, так и не сказав больше ни слова.

* * *

Лена позвонила в свой звонок и стала ждать, когда мама откроет дверь. Та вышла раскрасневшаяся и в калошах на босу ногу. Полы мыла в квартире, догадалась Лена: как раз было их дежурство по квартире.

– Я дневник забыла! – сказала Лена.

– Сними ботинки, не затопчи мне пол.

Лена расшнуровала ботинки, сняла их, но тапки из школьного мешка для обуви доставать не стала, побежала по коридору в одних чулках – их дверь была всего третья от входа.

– Тапки надень, ноги промочишь! – запоздало крикнула мама, но Лена уже входила в комнату. Она бросилась к столу и стала искать дневник. А его не было! Она дважды пересмотрела все книжки – учебники и те, что из школьной библиотеки, но все было напрасно – пропал дневник!

Она вышла в пустой коридор: в это время в их довольно шумной коммунальной квартире никого не было.

– Мама, ты мой дневник не

Продолжение на стр. 6-7.

Продолжение.
Начало на стр. 4-5.

видела? Я никак не могу найти...

– Вот сейчас все брошу и пойду искать твой дневник! – в сердцах сказала мама, неся ведро с грязной водой к уборной. – Некогда мне! Мне с Сереженькой к врачу пора идти, анализы сдавать. Ищи сама!

Сереженька, Сереженька, всегда у нее на первом месте Сереженька... Братишка только что переболел ангиной и неделю не ходил в садик, и теперь надо было сдавать анализы, чтобы его туда пустили снова.

Лена подумала немного, а потом стала надевать ботинки и завязывать противные длинные шнурки. Ясно было, что ни в какую школу мама сейчас не пойдет – не идти же ей с Сережкой в школу вместо врача! Значит, и говорить, что Любушка ее вызывает, бесполезно, только лишнее расстройство для мамы и неприятности для нее самой.

Лена вышла из дома и постояла во дворе, решая, что же ей дальше делать? А делать было решительно нечего. И Лена решила уйти из дома и из школы. Навсегда. Уехать далеко-далеко...

Она вышла на улицу и опять задумалась. И куда ей теперь ехать? На поезд денег у нее не было, разве что на трамвай. Мама давала ей каждый день рубль на школьный буфет, и она пока его не успела потратить, Так что хватит денег на трамвайный билет и еще останется на булочную. У Лены был еще завтрак: белый хлеб с вареньем, который мама ей дала сегодня. Когда она его съест, можно будет купить еще черного хлеба на оставшиеся деньги... Чем же еще питаться бездомному человеку, как не черным хлебом.

Как раз неподалеку от дома ходил 36-й трамвай, и Лена пошла на остановку. Она дождалась трамвая, купила билет у кондукторши, села у окошка и поехала в неизвестную жизнь. Она решила, что доедет до кольца, а там пойдет пешком дальше, куда глаза глядят. Может быть, поступит в детский дом, а, может, будет жить одна где-нибудь в лесу...

Трамвай ехал долго, очень долго. Лена немного поплакала украдкой, но пассажиров в это время в трамвае было мало, и слез ее никто не заметил. Проехали Нарвские ворота, а дальше пошли уже незнакомые Лене места. Потом кондукторша объявила последнее знакомое название «Кировский завод!», и дальше начинался пригород. «Автово»! Здесь вдоль трамвайной линии уже шли сады и огороды с домиками-будками, и просто деревянные дома, как в деревне. Попадались и каменные дома, и магазины, но уже редко. «Красненькое!» – сказала кондукторша уже почти пустому трамваю. В окно Лена увидела зеленые деревья. «Лес!» – поняла она. Вот и доехала она до леса... И она быстро поднялась со скамейки и вышла на остановке.

Лес был окружен высокой кирпичной оградой. Лена подумала, что где-нибудь в ограде будет проход, и она войдет сквозь него туда, где стоят большие, уже чуть-чуть зеленеющие деревья. Она свернула с большой дороги, по которой шел трамвай, на узкую дорожку, идущую рядом с оградой, и пошла по ней. Вдоль дорожки шла канава. Лена подошла к ней, присела на корточки и заглянула в воду. По дну канавы текла коричневая вода. Потом она увидела на кочке с прошлогодней травой большую зелено-желтую лягушку. Лена долго с интересом ее разглядывала, а лягушка смотрела на Лену.

– Греешься на солнышке? – спросила Лена. – Ну и грейся... А потом, когда солнце сядет, ты сразу же иди к себе домой, а то замерзнешь...

Это Лена подумала о том, что самой-то ей, когда придет вечер и сядет солнце, идти будет совсем некуда. Хотя дни уже долгие и солнце сядет еще не скоро. Отбросив набежавшие грустные мысли, она пошла дальше, вдоль канавки и кирпичной стены за ней. Постепенно расстояние между канавкой и стеной стало расширяться, и на нем появились кусты и деревья. И тут она увидела цветы! Маленькие белые звездочки в кружевной зелени, целые тысячи белых звездочек, наверное... Много-много! Она так много цветов и не видела никогда, даже в Юсуповском саду, куда они с мамой и Сережей ходили гулять, никогда не было столько одинаковых цветов в одном месте.

Она нашла самое узкое место в канаве и решила ее перепрыгнуть. Примерилась раз, другой... И не решилась. Тогда она перебросила на ту сторону канавы свой портфель, прямо в цветы! Теперь струсить уже было нельзя, оставалось только разбежаться и прыгнуть. И она перепрыгнула удачно, почти не замочила ботинки. И сразу же, даже не подобрав портфель, присела на корточки и стала разглядывать цветы. Они были чудесные! Лена сорвала один цветок и сосчитала лепестки – их было шесть. Снизу они были немножко розовые. Если бы у нее были, как прежде, дом и школа, она нарвала бы два букетика – один для мамы, а другой для Любушки. Но ни дома, ни школы у нее больше не было...

Лена подобрала портфель, единственное ее достояние, и пошла дальше вдоль кирпичной ограды. Она была, наверное, очень старая, эта ограда, потому что кое-где в ней были разной глубины дыры, некоторые даже насквозь. Приглядевшись, Лена сообразила, что дыры эти

не от старости, а от снарядов. Здесь тоже шли бои, подумала она, это ведь недалеко от Кировского завода, который хотели захватить фашисты, и где работал ее папа.

Потом она увидела место, где ограда была разрушена до самой земли, и у подножья пролома лежала груда кирпичей, поросших сорной травой, теперь уже прошлогодней, бурой. Лена аккуратно перелезла через кирпичи, оказалась по ту сторону ограды и остановилась, почувствовав мгновенный укол страха. Это был вовсе не лес, как она думала, – это было кладбище! Ей уже приходилось бывать на кладбище. Когда ее бабушку, папину маму, хоронили несколько лет тому назад, зимой, еще в блокаду. От тех похорон остался только страх перед крестами и воспоминание о лютом холоде и тихом мамином плаче.

Но через минуту Лена поняла, что тут все совсем, совсем другое! На этом кладбище было тихо и очень солнечно: молодые листочки на деревьях были еще такие маленькие, что даже тени от них не было. Было очень тепло, потому что высокие стены кладбища защищали от ветра. Она почти сразу же и пальто расстегнула.

Здесь было интересно. Среди крестов и жестяных пирамидок со звездами попадались и старинные памятники, красивые, с золотыми буквами, вытесанными в камне. А на крестах были или железные дощечки с надписями, или вообще ничего. Многие кресты стояли в овальных каменных ванночках, наполненных землей. В них что-то росло, цветы, наверное, потому что молодая зелень была не похожа на обычную траву. А в одном месте Лена увидела маленькие синенькие цветочки с желтыми глазками и долго ими любовалась.

Она читала надписи на крестах и на памятниках, и некоторые ей были непонятны, а от других хотелось плакать. «Спи спокойно, дорогая мамочка, Христос тебя разбудит!» Кто такой был этот неведомый Христос? Не сторож же кладбищенский, зачем сторожу будить тех, кто спит тут под крестами...

Потом она наткнулась на чудесную могилку, где «ванночка для цветов» была квадратная, сложенная из гладких белых камней. Только цветов в ней не было, а вместо них росла крапива: старые спутанные прошлогодние стебли и совсем молодые, чуть красноватые, на вид жутко кусачие свежие стебельки и листья. Она сразу ее узнала, уж крапиву-то все дети знают, даже городские! Может, Лена прошла бы мимо – чего ей с крапивой связываться, но тут она заметила возле могилки заваленный сучьями крест из такого же красивого белого камня. Она нагнулась над ним, чтобы рассмотреть и увидела на кресте надпись в каменном веночке. «Младенец Георгий 1931 – 1933. Спи сладко, милый Юрочка!» Совсем маленьким умер неизвестный Георгий или Юрочка. Странно, что у мальчика было два имени. Лена подсчитала, что Юрочка был на пять лет старше ее. Она всегда мечтала о старшем брате-защитнике: вот этот Георгий-Юрочка и мог бы быть таким братом... Она бы ему сегодня рассказала про свои беды, и попросила совета.

Конечно, крест свалился, или был сбит случайно залетевшим снарядом, именно с этой белой могилки, заросшей крапивой. Такой маленькой, грустной и заброшенной...

И Лена задумала навести на могилке Юрочки порядок. Первым делом она решила освободить ее от противной крапивы, а уж потом попробовать поставить на место крест. Со старой крапивой она справилась легко, просто повыдергала грубые волокнистые стебли; на некоторых снизу остались узлы корней с молодыми ростками. Зато молодую крапиву вырвать было не просто. Лена подумала, подумала и пошла по дорожкам, ища какой-нибудь подходящий инструмент. Добрела до мусорной кучи и стала внимательно ее разглядывать в поисках чего-нибудь подходящего и вскоре нашла железный прут с небольшим, меньше ее ладони, копьецом на конце. Замечательный инструмент! Вернулась к могилке и стала вскапывать землю, выворачивая и выдергивая крепкие крапивные корни. Земля оказалась неожиданно рыхлой, мягкой, какой-то даже сочной. Вскоре почти вся крапива была выброшена копьем из могилки, но Лена, обернув руку носовым платком, собрала и выкинула наружу все обрывки желтоватых крапивных корешков. Нашлось и место, где стоял крест. Да, его явно сбило снарядом, потому что, поглубже покопавшись в земле, на глубине примерно в половину ее руки, Лена наткнулась на обломок белого камня, крепко сидевший в земле. «Это от креста! Вот сюда я его и поставлю!» – решила она.

Как выяснилось, каменный крест она могла только приподнять, а вот о том, чтобы перенести на два шага к могилке, нечего было и мечтать. Для начала она очистила крест от травы и сухих веток. Потом, подумав и примерившись, Лена стала перетаскивать его то за один конец, то за другой, и в конце концов подтащила к самой могилке. За работой она вспотела так, что пришлось снять пальтишко и повесить его на стоявшую неподалеку железную оградку. Сравнив обломанный конец креста с тем, который торчал на дне раскопанной ямки, она поняла, как именно он стоял. Она положила крест серединой на каменный край прямоугольной «ванночки», а обломком над са-

Окончание на стр. 8-9.

Окончание.
Начало на стр. 4-7.

мой ямкой, потом собрала все силы, ухватилась за поперечины креста и стала его поднимать. Она не была уверена, что у нее это получится, но, стоило ей только приподнять крест за один конец, как он легко скользнул из ее рук прямо в ямку и встал отломленным концом точно к основанию. Но Лена понимала, что так крест долго не простоит, упадет. Тут нужен был какой-нибудь клей или еще что-нибудь такое... А где взять это нужное «что-нибудь»? Она попыталась ногами подгрести к нижней части креста как можно больше земли и утоптать ее. Подгребать землю, утаптывать ее и одновременно держать крест так, чтобы не сбить совпавшие части, было совсем непросто! Но Лена справилась. Вот теперь крест стоял вроде бы прочно. Она осторожно отпустила перекладины – да, стоял, но как-то не очень надежно. Все-таки его следовало чем-то укрепить. Но чем? – «А кирпичами – вот чем!» – осенило ее. И она побежала за ними к пролому в стене.

В рухнувших остатках ограды Лена нашла несколько больших кусков из трех-четырех кирпичей, скрепленных между собой известью. Носить такие обломки было непросто, но Лена перетаскивала их к Юрочкиной могилке и укладывала как можно плотнее вокруг основания креста до тех пор, пока не стало ясно: крест будет держаться, даже если его с силой толкнуть. Она и толкнула его слегка ладонью, потом еще раз, сильнее – но крест даже не пошатнулся!

Она отошла и полюбовалась работой. Белый крест на темно-красном кирпичном основании, в беленькой своей оградке смотрелся так, будто никогда и никуда не исчезал! «Цветочков бы еще посадить!» – радуясь, подумала Лена. Цветы, однако, можно было взять только с чужих могил, а на это она никогда не решилась бы. Но тут же вспомнила про белые цветочки за оградой кладбища – они же ничейные!

Лена подобрала свое копье, пошла за ограду и принялась выкапывать белые цветы с корнями и складывать их на расстеленный носовой платок. Хорошо, что у нее всегда с собой два платка: один, большой – в кармане пальто, а другой, поменьше – в кармашке передника. Корешки у цветов оказались хрупкие, легко ломающиеся, похожие на красно-коричневые сучки, но Лена работала старательно и осторожно. Она накопала полный платок цветов, так что концы не сходились, снесла их к могилке и принялась сажать перед крестом.

– Какая умница девочка, за могилкой сама ухаживает! – услышала она над собой чей-то голос и подняла голову. Перед нею стояла старушка в белом платочке в мелкие синие, даже не горошки, а точечки, с плетеной соломенной кошелкой в одной руке и с палочкой в другой. Из кошелки торчало горлышко бутылки, заткнутой свернутой из газеты пробкой, а в бутылке было молоко. Одета старушка была в длинное черное пальто, тяжелое даже на вид. Она подошла ближе и, прищурившись, прочитала надпись на кресте.

– Георгий, Юрик. Братик твой тут лежит? Младший или старший?

– На пять лет старше меня, – сказала Лена, не отвечая на первый вопрос.

Но старушка переспрашивать не стала.

– Сама придумала цветочки посадить?

– Да...

– Молодец! Теперь твои ветреницы надо полить, а то не приживутся.

– Это цветы так называются – ветреницы?

– Ветреницы, милая, ветреницы! Ты знаешь, где тут вода?

– Знаю. В канаве.

– А леечка у тебя есть?

– Нету...

– А я тебе свою дам! Пойдем со мной!

Старушка развернулась и пошла между оградками, крестами и тумбочками, и Лена послушно шла за нею, оставив свой портфель возле могилки Юрия. Она не стала его с собой брать, потому что портфель был еще папин, а руки у нее были грязные, в земле, и ей совсем не хотелось его пачкать.

Идти было недалеко. Старушка остановилась возле серебристой оградки, прислонила к ней свою палочку, взялась за верх оградки и потянула на себя: оказалось, это дверца. Старушка вошла внутрь оградки и поманила Лену за собой. В оградке были две могилки и простая деревянная скамейка – дощечка на двух чурбачках. Старушка поставила на нее кошелку, нагнулась, достала из-под скамейки жестяную лейку и протянула Лене.

– Иди, милая, поливай свои ветреницы!

– Спасибо! Я полью и лейку вам обратно принесу.

– Да ты не спеши! Я пока могилки приберу да свои цветочки посажу, да помолюсь...

Старушка достала из кошелки газетный сверток, положила его на скамейку, развернула, и Лена ахнула – на газете лежали кустики разноцветных анютины глазок, желтые, синие и белые.

– На-ка тебе, – она протянула Лене кустик синих цветов, – посади братику. Красиво будет – белое с синим, мама тебя похвалит. Мама-то есть у тебя?

Лену вопрос не удивил. У многих ленинградских ребят не было у кого отца, у кого матери, а у кого и обоих: кто-то жил с бабушкой, кто-то с тетей, а те, у кого родных совсем никого не осталось после блокады, жили в детском доме. Поэтому она просто ответила:

– Мама есть. У меня папы нет. Погиб на фронте.

– Как звали папу?

– Константин.

– А тебя-то как зовут?

– Лена.

– Константин и Елена. У вас с папой, стало быть, именины в один день... Упокой, Господи, души рабов Твоих воина Константина и младенца Георгия и даруй здравие рабе твоей отроковице Елене, – сказала старушка и перекрестилась.

Лена креститься не умела, поэтому просто наклонила голову и вежливо сказала:

– Большое спасибо.

– А ты чего ж не крестишься?

– Я не умею...

– И в церковь не ходишь?

Лена помотала головой.

– А на Радоницу брата навестить все-таки пришла, умница! Ну и то хорошо. Бери цветочки-то...

(Весь этот разговор Лена потом позже пересказала маме, и та тогда ничего ей не сказала, просто похвалила за вежливый разговор со старушкой, а про Радоницу и молитвы ничего объяснять не стала. Но надо же – через столько лет все вдруг так подробно вспомнилось!)

Своего имени старушка почему-то так и не сказала, и Лена обращалась к ней просто «бабушка», как тогда было принято.

– Спасибо, бабушка! – сказала она и отправилась к могилке Юрика, которая была отсюда видна, даже искать не пришлось.

Лена посадила анютины глазки перед ветреницами, и получилось взаправду очень красиво. Она два раза сходила на канавку и щедро полила цветы, а в последний раз еще хорошенько помыла руки в холодной, почти ледяной воде. Подумала и все-таки прихватила два букетика ветрениц – для мамы и для Любушки. А вдруг пригодятся? Потом набрала полную лейку воды для бабушки.

– Вот, Юрик, теперь у тебя тут будет красиво. Спи спокойно, милый Юрочка!

На душе у нее было так хорошо и почему-то так спокойно, как будто все беды этого дня уже остались позади. Даже потерянный дневник больше не вспоминался. Она знала, что сегодня вернется домой, попросит прощенья у мамы, а завтра у Любушки, и с дневником как-нибудь уладится... Она была в этом уверена. Как будто неведомый братик Юрик ей об этом сказал. Она взяла свой портфель и пошла возвращать лейку.

Бабушка уже посадила анютины глазки на своих могилках и обрадовалась, что Лена догадалась принести ей воды. Она полила цветы и оставила немножко, чтобы помыть руки. Потом они сидели рядышком на скамейке, пили молоко и ели булку с вареньем и бабушкин пирог с картошкой. А после вместе пошли к остановке 36-го трамвая: оказалось, что могилка Юрика была недалеко от главной дорожки кладбища, которая вела прямо к воротам и остановке.

* * *

Кстати, подумала Елена Константиновна, раз уж я тут, не поискать ли Юрочкину могилку, а вдруг сохранилась? Она отдышалась на весеннем воздухе и чувствовала себя превосходно.

Как ни странно, могилка нашлась. Белый мраморный крест так и стоял, утопленный в кирпичную пирамидку; в щели между обломками набилась земля и намертво их скрепила. А вся квадратная раковина густо-густо поросла белоснежными ветреницами, и не то что крапивы, а и земли под ними не было видно.

– Прости меня, братик Юрочка, что я столько лет не была у тебя и не молилась о тебе, – сказала Елена Константиновна. – Вспомнила вот только теперь, будто случайно... Но мы-то с тобой знаем, что таких случайностей не бывает! Тогда ведь тоже была Радоница... Теперь, дорогой мой, я до самой нашей встречи буду за тебя молиться. И ты тоже молись за меня, пожалуйста!

А вот бабушкиных могилок она не нашла, да и не искала: они были обычные, с железными крестами, как помнится, и даже если с тех пор их стало уже три, так и таких оградок тут хватало. Да и все равно ведь имени старушки она тогда так и не спросила.

* * *

А история с дневником тогда и вправду кончилась благополучно, вспомнила Елена Константиновна по пути к метро. Любушка, не дождавшись возвращения Лены, после школы сама зашла к ним домой и все рассказала маме. Лена вернулась, когда они сидели за столом и пили чай. Обе обрадовались букетикам ветрениц. «Где же ты нашла такую прелесть?» – удивилась мама. Пришлось все рассказать, правда, без особых подробностей: поехала с горя на 36-м трамвае в Автово, где уже настоящая весна, там и нарвала.

Отыскался и пропавший дневник: это безобразник Сережка подобрал упавшую со стола тетрадку, быстренько унес в свой уголок и там разрисовал своим замечательным красно-синим карандашом половину чистых страниц. Рисовал он войну, взрывы, поэтому разрисованные страницы были еще и порваны. Что с него, детсадовца, взять! Пришлось маме испорченные листы аккуратно вырезать ножницами, а Любушка сказала, что если страниц дневника не хватит до конца года, пусть Лена записывает домашние задания просто в тетрадку.

24 мая – Вознесение Господне

Силу Вознесения Господня св. Павел выражает так: «восшед на высоту, пленил плен и дал дары человекам» (Еф. 4, 8). Удовлетворив правде Божией, Господь отверз для нас все сокровища благости Божией. Это и есть плен, или добыча вследствие победы. Начало раздаяния этой добычи человекам есть сошествие Святого Духа, Который, сошедши единожды, всегда пребывает в Церкви и каждому подает, что кому потребно, беря все из того же единожды плененного плена. Приди всякий и бери. Но заготовь сокровище-хранительницу – чистое сердце; имей руки, чем брать – веру неразмышляющую, и приступи исканием уповающим и неотступно молящимся.

Святитель Феофан Затворник

Тропарь Вознесению Господню

Вознесся еси во славе, Христе Боже наш, радость сотворивый учеником обетованием Святаго Духа, извещенным им бывшим благословением, яко Ты еси Сын Божий, Избавитель мира.

Величай, душе моя, вознесшагося от земли на небо, Христа Жизнодавца

Св. прав. Иоанн Кронштадтский. Поучение на день Вознесения Господня

Итак, Господь и Спаситель наш вознесся с земли на небо.

– Для чего Он вознесся на небо, почему не остался с нами видимо до скончания века?

Во-первых, Своим вознесением от земли на небо, Он показал образ и путь восхождения нашего от земли на небо; во вторых для того, чтобы ниспослать нам единосущного и единосильного Духа Святого Утешителя; в третьих, чтобы приготовить место верным Своим последователям.

Господь Своим вознесением с земли на небо показал нам образ и путь нашего восхождения на него. Господь был во всем для нас примером: примером святости, кротости, смирения, незлобия, терпения, непрестанной молитвы, бесстрастия, всецелой любви к Богу и человечеству, беспрекословного послушания Отцу Своему Небесному; Ему надобно было послужить для нас примером и в этом, т.е. примером в восхождении на небеса.

Ибо для чего Сын Божий сходил на землю? Чтобы нас возвести на небо.

– Итак, братья мои, живя на земле, старайтесь чаще возноситься на небо умом и сердцем, туда, куда вознесся Господь и Спаситель наш; не прилепляйтесь ни к чему на земле, ибо земля не отечество, а место странствия, место борьбы и подвигов, и блага земные – не жизнь наша, не предметы любви нашего сердца, а только необходимые пособия для плоти нашей; старайтесь быть духом всегда выше земного, всех земных вещей: не погружайтесь в них, не сливайтесь с ними, а погружается в них и сливается с ними тот, кто имеет пристрастие к ним. Теперь же это пристрастие к земной жизни, к ее удовольствиям, и вместе отчуждение сердец от горнего отечества небесного особенно усилились в христианах: христиане забывают цель своей жизни, забывают звание свое христианское, обязанности христианские, обеты данные при крещении быть исполнителями заповедей Христовых во все дни жизни своей.

– Возноситесь, братия мои, возноситесь от земли на небо, в истинное ваше отечество, вечное отечество; смотрите умными очами на возносящегося: это ваш путь проложен на

небо, путь, который прежде был непроходим от князя власти воздушной – диавола и его споспешной силы духов злобы, а теперь для верующих в Господа и хранящих Его заповеди стал свободен; этим путем множество христиан – подвижников благочестия – взошло уже на небо.

Господь вознесся в земли на небо для того, чтобы ниспослать нам единосущного и единосильного Утешителя Духа.

Об этом Сам Господь пред Своими страданиями говорил Своим ученикам так: *если Я не пойду,* т.е. если не вознесусь к Отцу, *Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам, и Он пришед обличит мир о грехе и о правде и о суде,* и напомнит вам все, *что Я говорил вам* (Ин. 16, 7-8; 14,26).

И вот вскоре после вознесения Господь послал Своим ученикам и апостолам и всем, составлявшим тогда малое стадо Христово – Духа Божественного, Который исполнил всех их чрезвычайными дарами: святостью, мудростью, даром языков, чистейшей и пламенной любовью, ревностью к славе Божией и о спасении душ человеческих, миром, радостью, дерзновением, бесстрастием ко всем земным превратностям, бесстрастием ко всему земному, любовью к небесному.

– Итак, примите Утешителя Духа, да будет Он с вами во веки, и да наставит вас на всякую истину, но помните, что Иисус Христос, вознесшийся на небо и ниспославший Утешителя Духа, – и Сам никогда с нами по Божеству не разлучается, но пребывает неотступно, вопия любящим Его: *Я с вами и никто против вас.*

Наконец, Господь вознесся для того, чтобы приготовить последователям Своим место в небесах. *Иду приготовить место вам* (Ин. 14,2), говорит Он Своим ученикам; видя с небес святых все подвиги духовные Своих последователей и оценивая их по достоянию, Он всем уготовляет воздаяние, как праведный Судия, и всякий из нас получит свое: *кто сеет скупо, тот скупо и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет* (2 Кор. 9,6). *Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; иная плоть у человеков, иная плоть у скотов, иная у рыб, иная у птиц; есть тела небесные и тела земные: но иная слава небесных, иная земных* (1 Кор. 15, 39-42). Так и на суде: все оценится по достоинству.

Итак, Господь Иисус Христос вознесся для того, чтобы приготовить каждому из нас свое место, взять нас к Себе. *Возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я* (Ин. 14,3). Ужели же нам лучше на земле, а не на небе? О нет, нет! прочь же все прелести мира. Аминь.

Полное собрание сочинений прот. Иоанна Ильича Сергиева. Т. I

ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

ЧЕЛОВЕК – НЕ АНГЕЛ

Прп. Иоанн Колов

Блаженный отец Иоанн Колов (прозвище это дано было преподобному по малому росту его, и значит «малый» – послушания воспитанник) оставил мир в юном возрасте. С родным братом своим Даниилом он удалился в скит, где оба приняли монашество. Они поместились на жительство в одной кельи и проводили время в посте и молитве. По прошествии же некоторого времени Иоанн сказал брату своему Даниилу:

– Я решился нисколько не заботиться о своем теле. Не хочу употреблять ни пищи, ни питья, приготовленных на огне, но хочу пребывать в этой пустыне без попечения, подобно бесплотному Ангелу, – сказав это, он тотчас снял бывшую на нем одежду и нагой вышел из кельи в пустыню.

В эту ночь случился сильный мороз. Не стерпев мороза, Иоанн возвратился в келью к брату своему и начал стучаться в дверь. Брат, желая вразумить его, долгое время не подавал голоса. Потом сотворил молитву и спросил:

– Кто там стучится так настойчиво в мою дверь?

Иоанн отвечал:

– Это я – брат твой Иоанн. Не могу вынести мороза и возвратился послужить тебе.

Даниил отвечал:

— Не прельщай меня, демон! Уйди, я не отворю тебе. Как смеешь ты говорить, что ты – мой брат? Разве не знаешь, что брат мой – ангел, что он небрежет о теле, что не нуждается в пище? Уйди от меня!

Иоанн сотворил молитву и сказал:

– Я – брат твой Иоанн! Ныне узнал, не стерпев мороза, что на мне плоть.

Когда он покаялся, то брат отворил дверь и принял его в келью, при этом сказав ему:

– Брат, на тебе плоть – для нее ты должен трудиться о пище и одежде.

Троицкая родительская суббота (суббота перед Троицей)

Преподобный Антоний Оптинский о Троицкой родительской субботе

Господь Бог глубиною мудрости Своея человеколюбно все строит и полезное всем подает, то есть если чью жизнь продолжает, благодетельствует; и если чьи дни сокращает, то того ради, да не злоба изменит разум его или лесть прельстит душу его. А наш долг и в том и в другом случае с детскою покорностию ко Отцу Небесному должны говорить: Отче наш, да будет воля Твоя! Мы будем поминать, как умеем, на земле, а отшедшие души будут поминать нас на небеси. И не только праведники, коих души в руце Божией, молятся ко Господу о нашем спасении, но и души грешных тоже заботятся о нас, чтобы мы не попали туда же, где они, и, по евангельской притче, просят святого Авраама послать к нам в дом какого-нибудь праведного Лазаря, чтобы он вразумлял нас, что нам подобает творити, да избегнем мучений вечных.

Поминальная родительская суббота устроена накануне празднования дня Святой Троицы и называется Троицкой субботой. В день основания Церкви, в Святую Троицу, благодать Духа Святого пронизала всю Церковь земную и всю Церковь Небесную, где праотцы и патриархи, священномученики, преподобные, святые.

Между Церквами земной и Небесной существует прямая связь; мы молимся святым, просим у них и они нас слышат. В день основания Церкви – день Святой Троицы – Дух Божий все в мире освятил, и живых и усопших, поэтому отцы Церкви с основания Церкви поминали усопших, своих дорогих родителей, своих братьев и сестер, и по внушению Духа Божия устроили поминальную субботу накануне праздника Святой Троицы.

Прп. Антоний

Поминовение всех умерших благочестивых христиан установлено в субботу перед Пятидесятницей ввиду того, что событием сошествия Святого Духа завершилось домостроительство спасения человека, а в этом спасении участвуют и усопшие. Поэтому Церковь, воссылая в Пятидесятницу молитвы об оживотворении Духом Святым всех живущих, просит в самый день праздника, чтобы и для усопших благодать всесвятого и всеосвящающего Духа Утешителя, которой они сподобились еще при жизни, была источником блаженства, так как Святым Духом «всяка душа живится».

Поэтому канун праздника, субботу, Церковь посвящает поминовению усопших, молитве о них. Святой Василий Великий, составивший умилительные молитвы вечерни Пятидесятницы, говорит в них, что Господь наипаче в этот день благоволит принимать молитвы об умерших и даже о «иже во аде держимых».

Панихиды еще служились в катакомбной Церкви, когда первые христиане были гонимы в Римской империи, и слово «панихида» в буквальном переводе с греческого языка означает «служение ночью» – «молитва ночью об усопших». Когда Церковь стала свободна, то панихида вышла из катакомб и стала службой об усопших. Со временем появились в Церкви поминальные субботы.

Троицкая суббота связана с основанием Церкви Троицей и Сошествием Святого Духа. Мы молимся за усопших, чтобы Господь простил их, и верим, что Дух Божий касается не только живущих и молящихся, но и усопших. Наши близкие ушли в мир иной со страстями, пороками, грехами, а мы молимся и просим Духа Божия, которого Бог послал, просим Христа Спасителя, чтобы он помиловал их. Накануне Троицкой субботы, в пятницу вечером в нашей Церкви служат парастас.

«Парастас», с греческого, «ходатайство» – во время этого богослужения ходатайствуют за своих усопших, молитва Церкви, и Сам Господь это сказал, спасает грешников.

Мы вымаливаем у Бога прощение за усопших, потому что они уже не могут ничего для себя вымолить, они могут молиться за нас, но не за себя: «Помоги, Господи, упокой, Господи, души усопших раб Твоих, праотец, отец, сестер, братии наших, зде лежащих и повсюду православных». Православные просят от лица Церкви, чтобы Господь помиловал тех, кто ушел в вере и надежде Воскресения. По молитве Церкви благодать развивается до такого состояния, которое помогает душе усопшего выйти из уз ада.

Троицкая суббота имеет свой глубочайший сакральный смысл и не потеряет его до скончания века, поэтому поминальные субботы крайне необходимы. В народе все знают поминальные субботы: вторую, третью, четвертую Великого поста, Троицкую родительскую, Дмитриевскую субботу, Радоницу.

У многих есть стремление помянуть своих усопших записками, священник их читает и говорит: «Господи, помяни его во Царствии Своем». Прийти на могилку, дать милостыню, сделать доброе дело, доброе слово сказать – тоже милостыня в наше время за тех, кто безвременно ушел.

Троицкая суббота называется еще и родительской, потому что наши родители ближе всех нам по плоти, поэтому начинаем поминание с усопших родителей. В церковной поминальной записке пишем прежде имена усопших родителей, бабушек, дедушек, сестер, братьев, поминаем сродников. Понятие «родительская суббота» связано с кровными, близкими нам узами.

Родительские дни дарят нам радость молитвенного общения в Боге с ушедшими из этой жизни. Поэтому так любимы родительские субботы, где мы поминаем усопших наших родителей, благодетелей, сродников. Мы приходим к литургии, подаем записки на проскомидию, молимся на панихиде. Что еще мы можем сделать для наших дорогих усопших? Подать обильную милостыню, усугубить домашнюю о них молитву и приготовить особое поминальное кушанье кутию.

Православным христианам не возбраняется в этот день побывать на кладбище, чтобы поклониться могилам родных после того, как помянули их в церкви. Ведь когда мы молимся о душах ушедших в мир иной, принято считать, что и они в тот момент на небесах молятся о нас.

Со святыми упокой, Христе, души раб Твоих, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная! Аминь.

Мудрые мысли о жизни

Не тот мудр, кто всех судит, а тот, кто всех любит.

Честный не тот, кто о других говорит, а тот кто сам всегда прост и открыт.

Не тот хорош, кто с людьми дружит, а тот, кто им служит.

Живи не ради своих затей, а ради Бога и ради людей.

Не тот враг, кто стоит на пути, а тот кто у тебя внутри.

Плохой навык – на слово словом отвечать, а хороший промолчать.

На земле терпи ближних, а Бог потерпит тебя в Вышних.

Хороши в холода дрова и печь, еще лучше – сердце от зла беречь.

Вера и верность у Бога высшая ценность.

Монах Симеон Афонский

Молитва об усопшем христианине

Помяни, Господи Боже наш, в вере и надежди живота вечнаго преставльшагося раба Твоего, брата нашего (имя), и яко Благ и Человеколюбец, отпущаяй грехи, и потребляяй неправды, ослаби, остави и прости вся вольная его согрешения и невольная, избави его вечныя муки и огня геенскаго, и даруй ему причастие и наслаждение вечных Твоих благих, уготованных любящым Тя: аще бо и согреши, но не отступи от Тебе, и несумненно во Отца и Сына и Святаго Духа, Бога Тя в Троице славимаго, верова, и Единицу в Троице и Троицу во Единстве, православно даже до последняго своего издыхания исповеда. Темже милостив тому буди, и веру, яже в Тя вместо дел вмени, и со святыми Твоими яко Щедр упокой: несть бо человека, иже поживет и не согрешит. Но Ты Един еси кроме всякаго греха, и правда Твоя, правда во веки, и Ты еси Един Бог милостей и щедрот, и человеколюбия, и Тебе славу возсылаем Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

О том, как мы уходили в монастырь

Вообще-то в монастырь мы, в начале восьмидесятых годов, в конце концов не уходили, а сбегали. Думаю, нас считали немножко сумасшедшими. А иногда и не немножко. За нами приезжали несчастные родители, неутешные невесты, разгневанные профессора институтов, в которых мы учились. За одним монахом (а он сбежал, уже выйдя на пенсию и вырастив до совершеннолетия последнего из своих детей) приезжали сыновья и дочери и орали на весь монастырь, что сейчас же увезут папочку домой. Мы его прятали за огромными корзинами в старом каретном сарае. Дети уверяли, что их отец, заслуженный шахтер, выжил из ума. А он просто тридцать лет день и ночь мечтал, когда наконец-то сможет начать подвизаться в монастыре. Мы его прекрасно понимали. Потому что и сами уходили из ставшего для нас бессмысленным мира – искать вдруг открывшегося нам Бога.

Это было почти так же, как раньше мальчишки убегали юнгами на корабли и устремлялись в далекое плавание. Только зов Бога был несравненно сильнее. Преодолеть его не было никаких сил, или, точнее, мы безошибочно чувствовали, что если не откликнемся на него, то безвозвратно потеряем себя. И даже если получим весь остальной мир со всеми его радостями и успехами, он нам будет не нужен и не мил.

Всем нам было страшно жаль, в первую очередь, своих растерянных перед нашей твердостью, ничего не понимающих родителей. Потом, конечно, друзей и подруг, наших любимых институтских профессоров, которые, не жалея времени и сил, приезжали в Печоры «спасать» нас. Нам, и вправду, так становилось их жаль, что мы жизнь готовы были бы за них отдать! Но не монастырь.

Для наших близких все это казалось диким и необъяснимым.

***Архимандрит Тихон (Шевкунов)** – наместник Сретенского монастыря, руководитель издательства Сретенского монастыря и интернет-портала «Православие.ru». Автор фильмов «Псково-Печерская обитель», «Гибель империи. Византийский урок».*

Помню, я уже несколько месяцев жил в монастыре, когда сюда приехал Саша Швецов. Прибыл он в воскресенье – единственный в монастыре свободный день на неделе. После чудесной воскресной службы и монастырского обеда мы, молодые послушники, лежали, блаженно растянувшись на кроватях в нашей большой и солнечной послушнической келлии. Вдруг дверь широко отворилась, и на пороге появился высокий паренек, наш ровесник, лет двадцати двух, в «фирменных», как тогда называли, джинсах и дорогущей куртке.

– А вообще мне здесь нравится! Я здесь, пожалуй, останусь! – заявил он нам, даже не поздоровавшись.

«Вот поставят тебя завтра на коровник или канализацию выгребать, тогда посмотрим, останешься ты или нет?» – позевывая, подумал я. Наверное, примерно то же пришло в голову и всем, кто вместе со мной разглядывал эту столичную штучку, залетевшую в древний монастырь.

Псково- Печерский Свято-Успенский мужской монастырь

Саша оказался сыном крупного торгпредского работника, жил с родителями в Пекине, Лондоне и Нью-Йорке и только недавно вернулся в Россию учиться в институте. Бога он узнал с полгода назад. Узнал немногое, но, по-видимому, – самое главное, потому что с того времени стал мучиться от полной бессмысленности всего вокруг и от непрекращающейся неприкаянности, пока не набрел на монастырь. Сразу поняв, что нашел как раз то, что искал, он даже не стал сообщать о своем новом месте обитания родителям. Когда мы упрекнули Александра в жестокости, он сказал, что родители уж точно его не поймут, а батя по-всякому скоро его отыщет. Так и получилось.

Сашин папа приехал в Печоры на черной «Волге» и устроил показательный скандал – с милицией, КГБ, с привлечением школьных друзей и институтских подруг, со всеми привычными для нас инструментами по вызволению из монастыря. Продолжалось это все довольно долго, пока папа с ужасом не убедился, что все напрасно и Сашка не уйдет никуда.

Казначей, отец Нафанаил, пытаясь хоть как-то утешить московского гостя, ласково сказал ему:

– Ну вот, отдадите своего сыночка в жертву Богу. Будет он печерским иеромонахом, еще будете им гордиться...

Я помню, какой дикий вопль огласил тогда весь монастырь:

– Никогда!!!

Это орал Сашкин папа. Он просто еще не знал, что отец Нафанаил был прозорливым, а то бы так не нервничал. Саша, действительно, сейчас иеромонах и единственный из всех нас, бывших тогда, в день его первого приезда в Печоры, в солнечной послушнической келлии, кто остался служить в Псково-Печерском монастыре. А Сашин папа, Александр Михайлович, через десять лет стал работать со мной в Москве в Донском монастыре, а потом и в Сретенском, заведующим книжным складом. На этой церковной должности он и отошел ко Господу, став самым искренним молитвенником и искателем Бога.

ПРИТЧА

БЕСКОНЕЧНЫЙ ХЛЕБ

Жила была бедная старушка.

Такая она была бедная, что порой ей даже не из чего было хлеба испечь. И была у нее соседка-злыдня, которая эту старушку непрестанно бедностью ее попрекала. И вдруг заметила соседка: как только она принимается хлеб печь, у старушки тоже из трубы дым идет, будто хлеб печется.

– Неужто эта нищенка тоже разбогатела? – удивилась соседка. – Надо бы заглянуть к ней, проверить.

Заходит соседка к старушке, а та действительно каравай из печи вынимает.

Посадила старушка соседку за стол, хлебом свежим ее угощает.

Удивилась соседка:

– Откуда же у тебя хлеб? Недавно ты была беднее бедного, а теперь каждый день хлеба печешь?

И рассказала ей старушка, что устала она от попреканий в бедности. И стала головню дымящуюся в печь подкладывать, когда соседка принималась хлеб печь. Неделя так проходит, другая, вот старушка и придумала:

– А дай-ка я буду Бога о милости Его просить каждый раз, как головню в печку кладу.

Так и стала поступать. Положила она головню в печку, помолилась, и вдруг кто-то стучится в окошко. Стоит старик нищий, весь в лохмотьях, хлебушка просит. А хлеба-то в доме ни куска. Отдала старушка старичку последнюю свою картофелину. Тот ее съел и снова хлеба просит.

Откуда же я тебе, старче, хлеба возьму? – говорит старушка.

– А ты из печи достань, – отвечает старичок.

Заглянула старушка в печь, а там и впрямь готовый каравай лежит. Охнула она, достала каравай из печи, стала старичка кормить. Он съел весь каравай и еще просит.

– Нет у меня больше хлеба, – говорит старушка.

– А ты снова из печи достань, – говорит старичок.

Смотрит старушка – там опять каравай лежит.

Достает она каравай из печи, а сама вслух удивляется:

– До каких же пор Бог хлеба мне будет даровать?

– А до тех пор, пока с чистым сердцем будешь делиться со всеми голодными, – ответил старик.

Вот с тех пор и не переводится никогда в доме у доброй старушки хлеб.

НЕ ПОРИЦАЙ ДЕЛ БОЖИИХ

Уже солнце склонялось к западу, когда старец Паисий возвращался из города в обитель. Вдруг по дороге встретился ему человек в скромной одежде, который шел прямо к нему.

– Отец мой! – услышал старец слова незнакомца, когда тот подошел совсем близко. – Я вижу, что ты утомлен; не откажи мне и окажи мне радость – зайди в дом мой и вкуси пищи и отдыха.

– Охотно, сын мой, – отвечал инок и направился за незнакомцем.

Вскоре они пришли к небольшой хижине, войдя в которую старец увидел нескольких нищих и убогих, которые сидели за трапезой.

Незнакомец усадил старца за стол и снова вышел из дома.

– Кто этот добрый человек? – спросил инок у своего соседа. – И почему он позвал нас?

– Это Евлогий, каменотес, – отвечал нищий, – он весь день работает, а вечером собирает в своей хижине нищих и убогих и кормит их от трудов своих.

Старец подивился столь великой любви к ближнему. Отдохнув и подкрепив ослабевшие силы, Паисий вышел из хижины. Встретив Евлогия, который снова вел к себе больную старушку, Паисий благословил его и, поблагодарив за гостеприимство, продолжал свой путь.

«Господи! – думал старец, – если Евлогий, будучи бедным, делает столько добра, скольких же осчастливит он, если будет богат?»

И старец стал молиться о том, чтобы Бог послал Евлогию богатство.

В ту же ночь Паисий увидел сон, будто Ангел явился ему и сказал: «Паисий! Господь исполнит просьбу твою, но ты должен дать душу твою в залог того, что Евлогий в пользу употребит богатство».

– С радостью ручаюсь душой за него, – ответил старец, – разве Евлогий не доказал еще своего доброго сердца?

– Бог знает лучше, чем ты, что надо человеку, – ответил ангел, – но пусть будет по воле твоей.

И Паисий проснулся.

Через несколько дней Паисию снова пришлось побывать в городе, и он спросил одну нищую об Евлогие.

– Ах! С ним произошло что-то странное! – ответила старушка. – Он уж два дня, как уехал в чужую страну. Говорят, он нашел в скале золото во время работы.

Паисий порадовался, услышав, что сбывается то, о чем он просил: одно лишь его удивляло, зачем Евлогий уехал

– Скоро он, верно, вернется? – спросил он. – Нет, – с грустью ответила нищая, – говорят, он поступил на службу к какому-то знатному господину... Горе нам-то какое – лишились мы кормильца!..

Чрез некоторое время Паисий еще услышал об Евлогие. Говорили, что он сильно разбогател, занялся торговлей, и к ужасу своему Паисий услышал, что Евлогий стал сребролюбив и совсем забыл о нищих.

С каждым разом все печальнее и печальнее доходили слухи об Евлогие. Говорили, что ради корысти Евлогий не останавливается ни перед чем и даже готов на бесчестные поступки.

Паисием овладело отчаяние.

– Господи! – молился он, обливаясь слезами. – Прости мне безумное мое обещание, разреши душу мою от страшного залога! Ведь Ты ведаешь, что я от чистого сердца просил Тебя за Евлогия, но как я ошибся!

Ночью Паисий снова увидел во сне Ангела.

– Ты видишь сам, – сказал ему небесный посланник, – сколь безумно пытался переделать то, что сотворил Господь. Милосердный Спаситель прощает тебе твое неведение; смотри же впредь, не порицай дел Божиих.

Вскоре услышал Паисий, что Евлогий разорился и ушел от знатного вельможи,

который сильно на него прогневался и прогнал от себя.

Прошло несколько недель. Каково же было удивление Паисия, когда однажды, возвращаясь в обитель, он снова встретил Евлогия в скромной одежде каменотеса.

Старец с радостью обнял его и спросил, каким образом он снова очутился здесь.

– Я вернулся на родину с грешной целью, – чистосердечно рассказал ему Евлогий, – надеясь снова найти в скале золото. Но сколько я ни трудился, стараясь найти золото, – мои труды были напрасны. Милосердный Господь сжалился надо мной, и я опомнился. Я понял, сколь грешно я употребил то добро, которое было ниспослано мне для ближних; и что Господь карает меня за мой грех. Теперь я – прежний Евлогий и постараюсь искупить свои грехи и вознаградить моих бедных и больных братьев за те нужды, которые они испытали в мое отсутствие!

И снова каждый вечер Евлогий после тяжелого трудового дня выходил на дорогу и звал нищих и убогих.

А Паисий со слезами раскаяния и благодарности припадал к холодному полу своей убогой кельи, прося Создателя простить ему его заблуждение и воздавая Богу хвалу за Его бесконечную щедрость.

Николай Смоленский

ДЕТСКАЯ СТРАНИЧКА

Любили тебя без особых причин

Любили тебя
без особых причин
За то, что ты – внук,
За то, что ты – сын,
За то, что малыш,
За то, что растешь,
За то, что на папу
и маму похож.
И эта любовь
до конца твоих дней
Останется тайной
опорой твоей.

МОЙ СЫН

ПРИТЧА

Собрались у колодца три женщины. Две из них стали наперебой хвалить своих сыновей. Одна говорит, что ее сын красивее всех, сильнее всех и умнее всех. Другая – про своего то же самое. А третья стоит рядом и помалкивает. Две первые ее спрашивают, почему она молчит. А она говорит, что он у нее обычный, ничего особенного.

Пошли женщины с тяжелыми ведрами домой. А навстречу им сыновья идут. Сын первой прыгает через голову, ходит на руках, бросает тяжелые камни. А мать радуется, смотрите, мол, какой он у меня.

Сын второй стал посреди дороги и поет, как соловей, и пляшет. А мать довольна. А сын третьей подбежал к матери, взял ведро и понес домой.

Проходил мимо старик. Две женщины подбежали к нему и просят его рассудить, чей же сын лучше. А старик отвечает:

– А где же ваши сыновья, я видел только одного, – и показал на того, что понес ведра.

РАСКРАСКА

Заяц и колобок

Продолжение.
Начало в № 8 (110).

Алексей Варламов

РОЖДЕНИЕ

Повесть

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Это было похоже, наверное, на то, что ощутили бы пассажиры на большой высоте самолета, если бы ледяной, резкий, бедный кислородом воздух ворвался в салон и в этом салоне после привычной мягкости и уюта им предстояло жить всю оставшуюся жизнь.

Младенец уже давно испытывал сильное беспокойство, и раздвинувшаяся было теснота материнской утробы снова сдавливала его со всех сторон. Но теперь уже не женщина выталкивала его из себя, а он сам начал к этому стремиться и медленно перемещаться к выходу. Большая пуповина, обвивавшаяся вокруг тела, ему мешала, он устал и чувствовал, что мать впервые за эти семь неполных месяцев совсем не помогает ему, а, напротив, пытается удержать.

Но что-то неумолимо гнало его оттуда, где еще недавно он был в безопасности, а теперь каждая лишняя минута грозила гибелью. Он торопился наружу, за границу своего темного и тесного мира, в большую, озаренную синим светом комнату.

Там, в этой комнате, вокруг стола, на котором лежала роженица, стояло несколько человек в белых халатах с голубым отливом, с лицами, закрытыми марлевыми повязками, так что видны были только глаза.

– Нет, – кричала женщина, корчась от схваток, – я не хочу, чтобы он рождался!

– Тужься, да тужься же ты – он задохнется.

– Нет, сделайте что-нибудь, ему еще рано!

– Поздно уже делать, ты убьешь его.

Но она все равно упорно сопротивлялась и не хотела его отпускать. А он лез – маленькая, мягкая головка, испещренная синими венами, приближалась к отверстию матки. Но обезумевшая мать все еще пыталась удержать его в себе.

«У вас желанный ребенок?» – спрашивали ее в больнице. «Желанный, конечно, желанный». Да был ли у кого-нибудь более желанный ребенок? Но теперь он желанным не был. Больно это было или не больно, сколько продолжалось – ничего она не знала, и никакого значения это не имело. Ей казалось, что она умирает, и лучше было бы, если бы она действительно умерла вместе с ним. Она лежала в обрывках каких-то ощущений и мыслей, иногда открывая глаза и тотчас же их закрывая – так пугали ее взгляды врачей. Страшными были эти глаза, глядевшие поверх повязок, страшными были отрывистые и непонятные предложения, которыми они обменивались друг с другом.

***Алексей Варламов** – родился 23 июня 1963, доктор филологических наук, профессор МГУ, преподает русскую литературу начала XX века и одновременно ведет творческий семинар в Литературном институте им. Горького. Член Союза российских писателей.*

Акушерка велела тужиться сильнее и запрещала резко выдыхать, но женщина ее не слышала. Она оставалась в полном неверии и непонимании, что с ней происходит, что это происходит и что это происходит с ней – так рано, когда этому еще нельзя быть. Она кричала не от боли, а от безумного ужаса, но младенец был мудрее и упрямее, чем она, и лучше знал, что ему делать.

Его жизнь в тот момент висела на волоске, еще немного – и он умер бы от удушья: к тому, что происходило, не был готов не только он, но и женщина, которая в другом случае делала бы все необходимое помимо своей воли, а теперь ее тело бездействовало и словно отключилось. Но он успел в последний момент выкарабкаться на волю, и женщина как сквозь вату услышала зовущий ее по имени совсем нестрогий голос:

– Мальчика родила!

ПРОЗА

Это «мальчика» ее всколыхнуло – она ведь так хотела мальчика и неужели именно его ей придется потерять? То, что он может выжить, она не предполагала – она просто не знала, что выживают такие дети. Он был в руках у врача – она его еще не видела, в следующий момент ему перерезали пуповину, и он закричал. Его крик был очень слабым, а потом он вдруг оборвался, младенец словно захлебнулся, и тогда все засуетились, забегали, и она услышала умоляющий голос акушерки:

– Кричи, маленький, ну кричи!

Но он не кричал. После того, как в его раскрывшийся ротик с грохотом ворвался колючий, обжигающий воздух и наполнил легкое, у него сразу же перехватило дыхание, он обмяк, и его тельце посинело.

Это продолжалось чуть больше минуты, но женщина плохо понимала, что происходит. Где-то готовили кислородный аппарат, а врач продолжала, как заклинание, повторять:

– Кричи же, малыш, кричи!

По лицу у нее под марлевой повязкой тек пот, своими маленькими сильными руками она пыталась буквально оживить замирающее тело, и он снова вынырнул из небытия, вздохнул и крикнул.

Его поднесли к роженице:

– Смотри!

Ей показалось, что это было произнесено с осуждением и точно подразумевало: смотри, что случилось, это ты виновата во всем, и она боялась повернуть голову и посмотреть в ту сторону.

Для нее он все еще оставался в животе. Она не хотела, не могла смириться с тем, что дитя, занимавшее все ее существо, покинуло ее раньше срока. А ребеночек, крохотный, щупленький, с поросшей белым пушком спинкой и плечиками, обильно смазанный первородной смазкой, с мягкими ушами, синими ручками и ножками, безвольно висел у врача на руках, но дышал через силу, с болью вдыхая свистящий резкий воздух, наполнявший его кровь, еще не готовую к тому, чтобы разносить кислород.

Его спинка была покрыта красноватой сыпью, и врач быстро спросила:

– Чем ты болела? У него какая-то инфекция. Чем?

– Я не знаю. – Язык еле ворочался, и она ничего не помнила. – Что с ним? Он будет жить?

– Не знаю. Состояние очень тяжелое.

2

Мужчина спал одетый на неразобранной кровати и тяжело дышал во сне, когда раздался телефонный звонок. Он встрепенулся и бросился к телефону, но услышал только длинные гудки. Некоторое время он держал трубку в руках и силился понять, что происходит, а потом взглянул на светившиеся наручные часы и похолодел. Накануне, вернувшись домой, он выпил почти целиком бутылку коньяка и теперь мучился похмельем. Он подошел к окну и отодвинул занавеску. Там была темень, отвратительная ветреная темень, но зажигать свет он не стал. В темноте было покойнее.

Только бы пережить эту ночь, только бы дожить до утра. Если ничего не случится, то тогда она доносит и все будет хорошо. Не нужно ему было уезжать домой, не нужно было так много пить – надо было остаться там и ждать. У него сильно болела голова, и было очень нехорошо. Боже, Боже, кто бы ему сказал, где она сейчас и что с ней? Он вспомнил про телефонный звонок, его разбудивший, – неужели звонили оттуда? Справочная откроется в девять – значит, надо ждать. Еще только половина четвертого, впереди целая ночь. Если звонили оттуда, то что-то случилось, что-то очень плохое – с ребенком или с ней. Скорее с ней. Из-за ребенка звонить бы не стали. Он со страхом глядел на молчавший телефон: после вчерашнего мутило так, что хотелось перестать быть. Неужели все это действительно было – кошмарный вечер, переполненный трамвай, дорога к роддому, страшный диагноз врача, ожидание «скорой», метель...

Его спокойная, невозмутимая жена, немного замкнутая, отчужденная женщина, которую никогда он не мог представить растерянной, униженной и слабой, в полной неизвестности лежала в какой-то больнице, и он почувствовал что-то вроде вины перед той, кого сам считал виноватой и в своей неудавшейся жизни, и в том, что у них не было детей, и в том, что теперь все шло не слава Богу. Но если с ней что-то случилось или случится, его жизнь будет добита окончательно.

Он всегда думал, что она не любит его и никогда не любила, а вышла замуж потому, что в молодости он был не только честолюбив, но и упрям и привык добиваться того, что хотел. Он желал эту женщину, казавшуюся ему надменной и горделивой, он добился ее, но счастья ни ему, ни ей эта любовь не принесла. Он был почти убежден в том, что у них нет ребенка, потому что она не хочет иметь от него детей. Все эти двенадцать лет он жил с этой мыслью, причинявшей ему невыносимое страдание, он глухо ненавидел ее, он уходил из своего постылого, холодного дома в лес, искал утешения в одиночестве, лгал самому

Продолжение на стр. 20-25.

Продолжение.
Начало на стр. 18-19.

себе, что ему и так хорошо. Он ничего не смог добиться в жизни, потому что не чувствовал ее поддержки, – его женитьба на ней была величайшей ошибкой и причиной всех его бед вплоть до нынешней ночи, но он точно знал, что, если бы эта женщина от него ушла, ни одна другая ее бы не заменила.

В комнате тикали на стене часы, он не мог их видеть, а только слышал, как они отсчитывают время. Он сидел на смятой постели и ждал, он был готов ждать столько, сколько потребуется, он любил ее в эту минуту, любил за то, что она зачала от него ребенка, носила, как говорили в старину, под сердцем, и за это он был готов ей все простить. Простить, даже если с ребенком ничего не получится, за одну только попытку простить.

Еще три с лишним часа. Можно было бы попробовать уснуть – все равно от того, что теперь он не спит, ничего не изменится. Вчера вечером, когда он сидел на кухне и пил коньяк, ему казалось, все самое страшное позади — все осталось в приемном отделении первого роддома, но теперь он понимал, что жена обманула его. Он оставил ее одну, как всегда оставляют мужчины женщин, когда те идут рожать (присутствие мужа при родах не в счет, это вид современного извращения), но пить не следовало, нужно было остаться там – так ему самому было бы легче. Какая же долгая, томительная ночь и как это трудно – ждать, когда впереди неизвестность.

Ему вдруг вспомнилась другая ночь – в лесной избушке, печка, грубый стол, темная вода и сырой воздух. Все это казалось теперь таким далеким и точно ему не принадлежавшим, уворованным у кого-то, и его прежние мысли, что у него родится сын и этого сына он однажды отведет на лесное озеро, обернулись жестокой насмешкой.

За окном как будто начало чуть-чуть светлеть, обозначились очертания предметов в комнате, и в приоткрытую дверь бесшумно вошла собака. Она положила большую остромордую голову с печальными глазами ему на колени и заскулила. Эту собаку он купил три года назад. Он считал ее своей, но жена тоже к ней привязалась, и в последнее время собака была единственным, что их объединяло.

Собака беспокойно вертела головой и звала его к двери – она хотела гулять, но мужчина сидел неподвижно в кресле и курил. Теперь, когда стали видны большие настенные часы и звук времени совпал с его изображением, он не сводил глаз с минутной стрелки, которая, если пристально вглядеться, перемещалась по краю циферблата. Ровно в восемь он первый раз набрал номер справочной, на всякий случай, может быть, кто-нибудь пришел раньше, и все то время, пока в трубке раздавались длинные тонкие гудки, у него бешено колотилось сердце и болел живот. Он и хотел и боялся того, что эти гудки оборвутся тишиной, потом шорохом и чей-то далекий, равнодушный голос либо успокоит его и скажет, что ничего не было, либо... Но об этом он запрещал себе думать.

Снова заскулила и заскреблась в дверь собака, но ее хозяин сидел замерев, как восковая фигура, и отрывался от часов только для того, чтобы набрать никак не запоминавшиеся цифры. Один раз он ошибся, и трубку сняла какая-то молодая женщина, иногда номер был занят, и он думал, что, значит, кто-то пришел, но в следующий раз снова слышались бесконечные длинные гудки, он досчитывал до десяти и клал трубку, уступая линию кому-то еще, неведомому, кто в этот ранний час тоже названивал в роддом.

Никто не пришел и в девять, и в четверть десятого, хотя теперь дозвониться стало сложно, и только без двадцати минут десять, когда было уже совсем светло и за замерзшим окошком над каналом появилось редкое декабрьское солнце, обещая морозный и чистый день, дребезжащий старушечий голос переспросил фамилию жены и произнес:

– Родила мальчика в два часа тридцать пять минут. Вес – килограмм четыреста грамм, рост тридцать девять сантиметров. Состояние матери удовлетворительное. О детях справок не даем.

– Подождите, подождите, не вешайте трубку! – закричал он, и от его крика шарахнулась и испуганно залаяла собака. – Он жив?

– Я же сказала вам, молодой человек, о детях справок не даем.

3

В кувезах – небольших стеклянных ящиках, куда подавали кислород и поддерживали определенную температуру и влажность, чтобы обеспечить условия, максимально приближенные к материнской утробе, лежали дети. Они были совсем голенькие, к их головкам и грудкам вели провода, показывавшие работу сердца и легких, рядом стояли капельницы. В просторной чистой комнате, где находилась реанимация, все время дежурили врач и медсестра.

Врач был мужчина большого роста, сорока с лишним лет, в очках, с коротко постриженными волосами и широким полным лицом. Медсестра, совсем молоденькая, еще не

имевшая собственных детей, работала в реанимации недавно, ее чувствительность покуда не притупилась, и она никак не могла привыкнуть к тому, что голые тельца в кувезах иногда замирали и из этой напичканной приборами комнаты уносили крохотные трупы тех, кому еще так рано было рождаться, но врачи были бессильны.

Несмотря на то что в последние годы роддом принимал гораздо меньше рожениц, количество недоношенных и ослабленных детей не уменьшалось. Они поступали сюда какими-то волнами – иногда по нескольку в одну ночь, а иногда целыми днями не было никого. Последний большой наплыв пришелся на те октябрьские дни, когда утомленные повседневной жизнью люди с удовольствием глядели на дурно поставленный спектакль гражданской войны, но многие из беременных женщин в разных концах большого города родили тогда прежде времени, и у медсестры и у врача на всю жизнь осталось ощущение ужаса при мысли, что толпа ворвется в здание или же просто отключат электричество и дети в кувезах умрут все до единого.

Этих детишек доктор обожал. Они были страшны на вид, с вялой, дряблой кожей, собирающейся в складки, тоненькими ручками и ножками, непропорционально большими головами, мягкими ушами и белым пушком на плечиках и на щеках. В своих жарких кувезах они лежали вялые и спали, иногда хаотично вздрагивали и перебирали ножками и ручками, а потом снова замирали. Раз в три часа их кормили донорским молоком, и если сами они сосать не могли, то вводили молочко шприцем через нос. Чтобы выходить каждого из них, требовались невероятные усилия, искусность и любовь, но, когда это удавалось сделать, доктор был счастлив.

Мальчик, поступивший ночью, был не самым тяжелым. Однако дыхание у него оставалось неровным, одно легкое не раскрылось, развивалась пневмопатия, во время родов он хлебнул околоплодных вод, и ручаться за его жизнь было нельзя.

Младенец спал. После того кошмара, что он испытал нынешней ночью, после асфиксии, когда он едва не исчез в небытии, он отдыхал и качался над пропастью. У него было слишком мало сил, чтобы приспособиться к этому новому миру, который, как ни старались великаны люди, был слишком далек и непохож на им покинутый. Но в его крохотном тельце все органы, все клетки, все нервы – все было нацелено на жизнь и на выживание, все боролось с тем, что он ощущал, – колючим воздухом, светом, шумом. Он хотел выжить, потому что так был задуман природой, и, несколько минут постояв над ним перед тем, как уйти с дежурства, толстый доктор осторожно пощупал увеличенную печень и селезенку, покачал головой и сказал стоявшей рядом медсестре:

– На осмотр реагирует. – И глаза его чуть-чуть повеселели.

Полчаса спустя, заполнив журнал, он спустился в холл, и в справочной ему передали, что его хотел бы увидеть отец родившегося ночью ребенка. Доктор задумался: ничего определенного он сказать пока не мог. Если бы прошли сутки, можно было бы утверждать, что шанс у младенца есть, ибо самое трудное в жизни каждого человека – это первая минута, первый час, первый день, первый месяц и первый год. Этот мальчик прожил первую минуту и первый час, но никакой уверенности в том, что он проживет первые сутки, не было. Хотя не было уверенности и в обратном. Все было очень зыбко: на одной чаше весов он, беспомощный, обессилевший, пораженный каким-то вирусом, на другой – так неласково встретивший его мир, и какая чаша перетянет, доктор не знал.

Он не был человеком религиозным, но матерям в таких случаях говорил одно: если верующая, молись, если неверующая, тоже молись. А самое главное, не думай о нем плохо. Он еще слишком связан с тобою, с твоим организмом, с твоей психикой, мозгом, и больше всего, больше, чем лекарства, капельница и кислород, ему нужна твоя любовь, твои теплые мысли. Если этой любви будет много, ты его спасешь. Он говорил так, впрочем, не всем: бывали случаи, когда говорить подобное было бы слишком жестоко и опрометчиво, – но этой женщине сказал. И она, кажется, все поняла. Когда утром он вошел в палату, в ее глазах было отчаяние и горе, когда уходил – надежда. Хотя он давал не надежду, он не любил это слишком расплывчатое и даже вредное понятие, – он давал работу. Лежи и люби его. Вот твое дело сейчас.

С мужчинами же было труднее. Любить младенца они не могли. То чувство, что испытывали даже самые нежные и заботливые впоследствии отцы, любовью назвать было нельзя. Это могла быть гордость, самолюбие, тщеславие, самодовольство, но только не любовь. Обычно ничего страшного в этом не было, но когда рождались недоношенные дети, порой случалось, мужья требовали, чтобы матери отказывались от них. Детей, на которых Бог ли, природа являли свою

Продолжение на стр. 22-25.

Продолжение.
Начало на стр. 18-21.

милость и чудо, даруя им жизнь, бросали только потому, что родители страшились их выхаживать или у них оставались дефекты, хотя доктор мог бы привести сотню примеров, как из младенцев, весивших при рождении меньше буханки хлеба, вырастали умницы и крепыши. Он вообще считал, что в природе ничего не бывает просто так, и недоношенные дети тоже нужны, они отмечены особой печатью, у них раньше начинает работать мозг, они впечатлительнее, восприимчивее, и если преодолеть самый трудный первый год, то родители будут вознаграждены сполна.

Но в последние годы все чаще и чаще несчастные младенцы попадали в дом ребенка, где, лишенные внимания и любви, которые им были необходимы вдвойне, вырастали калеками. Таких родителей мягкий, незлобивый доктор, похожий на Пьера Безухова, люто ненавидел и, будь это в его власти, в принудительном порядке подвергал бы стерилизации, чтобы не было у них никогда потомства. И пока был малейший шанс уговорить их от детей не отказываться, доктор не отступал.

Поджидавший его в вестибюле мужчина показался ему сперва довольно молодым и как будто посторонним.

– Вы кто будете? – спросил доктор как умел доброжелательно.

– Муж, – ответил мужчина, сглотнув.

– Значит, папа, – поправил доктор еще более благожелательно, и мужчина вздрогнул. – А живете вы где?

Он спросил это не из голого любопытства, а чтобы удостовериться в том, что сидевший перед ним человек был действительно тем, за кого себя выдавал. Бывали случаи, когда на этом месте оказывались не мужья, но папы или, наоборот, не папы, но мужья, и потом бывало много путаницы.

Мужчина посмотрел на него недоуменно-злобным взглядом и ответил. Доктор мельком поглядел в карту:

– А мы с вами соседи. Первый у вас ребеночек?

– Да.

– Ну что ж.

Мужчине казалось, что он сейчас сойдет с ума – невыносимо было представить, что жизнь его сына была в руках этого толстенького, любопытствующего человека с круглым бабьим лицом, пытавшегося своими дешевыми приемами его успокоить.

– У вас родился сын. Роды преждевременные, ребенок недоношенный, можно даже сказать, глубоконедоношенный. Он находится сейчас в реанимации, и должен прямо вам сказать, что положение тяжелое.

«Это все», – промелькнуло в голове у мужчины, и он был готов к тому, что доктор его сейчас добьет, но тот деловито продолжил:

– В результате принятых мер нам удалось стабилизировать его состояние, мы контролируем ситуацию, и можно даже сказать, что наблюдается положительная динамика. Да, динамика положительная, хотя положение тяжелое.

Он точно кидал на весы два этих утверждения, и мужчине мучительно хотелось и, одновременно, страшно было спросить, чего же больше, положительной динамики или тяжелого положения, и что ждет ребенка.

Возникла небольшая пауза: доктор не знал, что сказать, а задавать вопросы мужчина избегал. Нужно было вставать и уходить, но больше всего ему не хотелось сейчас оставаться наедине с неизвестностью.

– Может быть, нужны какие-нибудь лекарства?

Вопрос был неуместный, но доктор обрадовался возможности переменить тему.

– Нет-нет, у нас все есть. Вы знаете, вам, в общем-то, повезло: Вы попали в более или менее цивилизованный роддом. Мы занимаем второе место в Москве, – добавил он с гордостью, – первое республиканский центр, но у них такое финансирование, что нам и не снилось. А мы крутимся сами, и хотя аппаратура у нас западная, но методика вся наша, превосходящая западную. Жаль только, что таких роддомов единицы. И это при том, что у нас такая детская смертность и высокий процент осложненных родов.

«Боже мой, зачем он мне все это говорит, – подумал мужчина, – какая мне разница, какая у нас смертность – сто человек на тысячу или один, если мой ребенок может оказаться этим, одним-единственным?»

– В Москве-то еще ничего, а если проехать по России, я уж не говорю про Среднюю Азию.

– Да-да, – отозвался мужчина рассеянно, – скажите, а вы от меня ничего не скрываете?

– Вы успокойтесь, папа, Ваш малыш получает все необходимое, он находится под постоянным наблюдением врача и пробудет в реанимации столько, сколько потребуется. Нам удавалось спасать самых тяжелых детей, и для Вашего мы сделаем все, что сможем. Если бы Ваш сын был безнадежен, я бы разговаривал с Вами иначе, – добавил он, поднимаясь. – Самое главное, поддержите свою жену.

4

Послеродовое отделение, в котором лежала женщина, находилось на третьем этаже, и в отличие от предыдущего роддома здесь можно было переговариваться с мужем из окна.

Но никакая сила не заставила бы ее сейчас посмотреть в его глаза. При этой мысли ей становилось нестерпимо стыдно. Она твердо решила, что если выйдет отсюда одна, то больше жить вместе с мужем не станет. Но, когда наутро она увидела его из окна, растерянного, озирающегося и ищущего ее, она дрогнула.

Он так несчастно выглядел среди других мужичков, зычными голосами что-то орущих своим женам, сам на себя не похожий, маленький, пришибленный, и она подумала, что, возможно, ему даже хуже, чем ей, потому что этот человек, всегда живший весело и беззаботно, не знавший, что такое страдание, еще меньше готов к случившемуся, чем она. Он стоял и не уходил, курил и уже не пытался найти ее, а просто ждал, что она увидит его, и женщина с трудом удерживалась от того, чтобы не открыть окно.

Она не допускала мысли, что он разделит ее жизнь, она приучила себя к тому, что он ее бросит, заявит – это твои проблемы, сама все расхлебывай, и укатит в лес (доктор сказал, трудно будет первый месяц, полгода, год, но с каждым днем легче, как солнышко прибывает понемножку в день, так и ей с каждым днем будет легче), – но теперь, в эту минуту, она была благодарна ему за то, что он стоит и не уходит. Хотя бы пока не бросает ее.

Ей самой стоять было очень тяжело. Она чувствовала слабость и не могла отделаться от того кошмара, который испытала ночью в те предрассветные часы, когда ее отвезли в послеродовую палату и она, вздрагивая от каждого шага в коридоре, ждала, что сейчас придут и скажут: жаль, но так вышло… Мы не смогли ничего сделать… И это будет все, финал, конец ее жизни – этого она уже не переживет. Те несколько часов она лежала и молилась. Это была даже не молитва, а бессвязный поток повторяющихся слов и слез с мольбою сохранить младенца.

Так остро сознававшая всю беременность свое одиночество, она думала о том, что теперь одинок ее сын. Он лежал в двух шагах от нее в комнате со страшным названием «реанимация», он был впервые за свою жизнь с ней разлучен, и ей казалось, что в эту ночь она его предала, и она ненавидела себя, свое тело, не смогшее выполнить самое главное, что было на него возложено, и ту золотоволосую женщину, которая словно специально задержала ее до вечера. Если бы она отправила ее сразу же, если бы удалось что-то сделать и остановить роды…

Мальчик, ее маленький мальчик вместо того, чтобы жить в ней, набирать вес и получать все необходимое, был вышвырнут в мир и лежал теперь брошенный ею с первых своих минут.

«Матерь Божья, – жалобно говорила она, – Ты приди к нему, помоги ему, ему сейчас нельзя одному. Он никогда не был один, он не знает, что это такое. Он безгрешнее и чище любого живущего, пусть он увидит Тебя и перестанет бояться. Ему сейчас страшно, но если Ты к нему придешь, если Ты дотронешься до него, то он успокоится. Ты одна сейчас можешь его спасти и не дать ему исчезнуть. Накажи меня, чем хочешь, но только приди».

Время от времени женщина впадала в забытье, потом снова просыпалась и продолжала молиться, и иногда в голову ей западала жуткая мысль, что, быть может, она молится напрасно, потому что его уже нет. Она со страхом эту мысль гнала, она не разрешала себе так думать, а в ушах звучала подлая фраза, казавшаяся теперь особенно зловещей: да он у вас умрет, Вы не почувствуете. Боже, Боже, кто бы ей сказал, что в ее жизни выпадет такая ночь и что от всего этого она не сойдет с ума. Она часто читала в последние недели Евангелие и хорошо запомнила одно место, когда Господь говорил ученикам – эти слова всегда утешали ее и точно опровергали то другое, пугавшее ее: «Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее, но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что человек родился в мир». И она верила, когда лежала в той больнице, когда ей было очень худо, когда просыпалась ночью от жутких снов, – она верила, что это только та скорбь, через которую предстоит ей пройти, а потом откроется радость. Но получилось все наоборот: скорбь лишь усилилась, и это было неправильно, несправедливо, это противоречило тому, что сказал Господь. Это значило, что ничто уже их не спасет, ни младенца, ни ее, – он родился тогда, когда рождаться было уже нельзя, не только потому, что она была слишком стара, но и потому, что мир вокруг лежал во зле. И в каком-то безмерном отчаянии она подумала, что не надо ей было креститься, не надо было ничего этого знать, она сама все напортила: грозному, злому Богу неугодны ее молитвы и слезы – Он жаждет для нее только наказания, Он отнимет ее дитя, которое не смогла отнять судьба, и она заплакала горькими, бессильными слезами.

Это было похоже на какое-то наваждение, смесь яви и сна, она точно лишилась опоры и висела над бездной отчаяния и страха, куда безвозвратно уходит человеческая душа, и над такой же бездной висел ее младенец. И она подумала, что если он упадет, то она уйдет туда вместе с ним. У нее не было

Продолжение на стр. 24-25.

Продолжение.
Начало на стр. 18-23.

сил больше терпеть и ждать – кругом нее было темно и тихо, она не знала, жив он или нет, сердце ее молчало, она снова попробовала молиться, но не смогла: кто-то или что-то мешали ей это сделать.

Маятник страдания, приблизивший ее к Богу несколькими часами раньше, отшвырнул теперь так далеко от Него, как она не была даже в той жизни, до своего крещения. Она пришла к Нему, чтобы уйти от судьбы и стать матерью, она переступила через себя, свой страх и стыд, когда беременная раздевалась в бассейнчике с мутной водой и на нее смотрели, как на ненормальную. Она вытерпела все, чтобы заручиться Его поддержкой, но Он оставил ее в самую тяжкую минуту ее жизни. Она не чувствовала ничего, кроме одиночества и бездны, – это были ужасные часы, ей казалось, что она сейчас сойдет с ума, завоет и бросится на того, кто войдет и скажет непоправимое про младенчика, как бросается медведица на безумцев, вздумавших играть с ее детьми.

Но потом наступило утро, и в палату вошел большой круглый человек в очках. Он быстро сел на кровать, взял ее за руку и сказал, что мальчик жив, он цепляется за жизнь, ему очень худо и очень трудно, но он цепляется и она должна обязательно ему помочь. Она должна думать только хорошее, не отчаиваться, и только нежностью и любовью она его спасет. Женщина заплакала и часто-часто закивала, но то, что доктор принял за надежду в ее глазах, было не надеждой, а благодарностью Той, Которая ее услышала, пришла к ее сыну и дала ему руку. Потому что если бы Она не дала ему руку, то он бы не смог уцепиться – она сама только что висела над этой бездной и знала, что без этой руки спастись невозможно. И это не она ему, а он, маленький, крохотный и слабый, помогал ей преодолевать отчаяние и страх. Случилось то, чего не должно было случиться, – чудо, потому что у нее не могло быть ребенка, все происходило вопреки природе и вопреки судьбе: и то, что она зачала, и то, что не было выкидыша на ранних сроках, и то, что ей все время мешали, но не смогли помешать, и то, что все дается так трудно. Все это потому, что глупая и злая судьба не хотела отпускать свою жертву и насылала на нее бесплодие, старение плаценты, инфекцию, злобную врачиху в консультации, нелюбимого мужа...

Здесь она споткнулась и посмотрела в окно. Муж все еще стоял. Совсем понурый, наверное, думал, что раз она не хочет с ним говорить, значит, все очень плохо. Она хотела распахнуть окно и позвать его, но услышала за спиной окрик:

– Женщина, Вы с ума сошли? Ну-ка марш в постель!

В дверях стояла заведующая отделением – седая, желтолицая, насквозь прокуренная.

– Да что тебе муж? – проворчала она. – Себя побереги. Еще набегаешься.

– Вы думаете, он... – задохнулась она от радости.

– Загадывать рано, но в любом случае слава Богу, что он родился сейчас. Медицина не слишком это признает, но в народе-то есть поверье, что семимесячных легче выхаживать. А особенно мальчиков. – Она вздохнула и присела на кровать.

– Я хочу, чтобы он жил, – сказала женщина упрямо.

– Дай Бог.

«Тем более, что больше рожать тебе не придется», — подумала она, но вслух этого не произнесла.

5

К вечеру похмелье прошло окончательно, в маленькой булочной за бульварным кольцом он купил батон теплого хлеба и большими кусками, давясь, съел его почти целиком, а потом ноги снова понесли его к роддому.

Здание показалось ему еще более громадным, чем днем. Оно уходило ввысь, в беззвездное, слепое московское небо, и трудно было представить, что где-то в его глубине находились два самых близких ему человека. Он обошел несколько раз вокруг, ноги замерзли, от выкуренных сигарет во рту стало гадко, но уйти отсюда он не мог. Исполнились ровно сутки с тех пор, как у закрытой двери, в другом месте, сказали, что его жена родит, и она родила. Теперь он снова ощутил острый стыд, оттого что в ту самую минуту, когда она лежала на столе и рожала, он спал пьяный, а не стоял под этими окнами, и в тяжелом, похмельном сне, сам того не ведая, превратился из обыкновенного и никому, кроме своей матери, не нужного, пустого и никчемного человека в отца. Но даже ребенок у него получился ущербным, и все это было не случайно, неспроста, все было заслужено им самим.

Ты сам во всем виноват, подумал он в порыве какого-то отчаяния, и если покопаться в самом себе, то все станет более или менее понятным. Ты был всегда завистлив, и даже не просто завистлив, хуже – злораден. Чужие горести тебя веселили, ты радовался, когда кому-то из твоих друзей было плохо, и чем ближе был тебе этот человек, тем больше ты наслаждался, хоть и пытался лицемерно изобразить сочувствие. Чужие неудачи были для тебя слаще собственных успехов, ты ими упивался – поэто-

му из тебя ничего не вышло и ты получил лишь то, что желал другим. Ты всем завидовал: одному, что он умен и талантлив, в то время как ты был просто способен и неглуп, другому, что он богат, третьему, что у него много женщин, – ты всегда находил повод для зависти и для разжигания зла в собственной душе. О, зависть, зависть, как она отвратительна, она есть смертный грех, она порождает убийство, она есть неблагодарность Богу за то, что Он дает, а потому у завистливого отнимется последнее и за твою зависть расплачиваться будет твой сын.

Мужчина вспомнил свой разговор с доктором и подумал о том, что если ребенок и выживет, то скорее всего останется инвалидом, умственно или физически отсталым. Жизнь кончится, кончится в тридцать шесть лет, толком и не успев начаться, бросить семью он не сможет и все оставшиеся годы будет привязан к больницам, врачам, лекарствам, специальным школам и интернатам, будет жить в вечных метаниях от отчаяния к проблескам надежды на какое-то чудо, целителя, но цена всему этому грош, и та радость жизни, те удовольствия, которые он так ценил, его независимость и покой, – все у него отнимется и никогда не придет. Так, может быть, лучше, обожгла его лукавая мысль, если дитя не будет мучить других и мучиться само, закроет глазки и навсегда уснет? А они его забудут, разведутся и забудут, и у каждого начнется своя жизнь, в которой и он, и она будут удачливее? Боже, Боже, какая же мерзость лезет в голову! Неужели человек, так хладнокровно желающий смерти собственному сыну, и есть он? И именно так начинается, а может быть, и заканчивается его отцовство?

Им овладело какое-то враждебное чувство к жене. Он подумал, что его женитьба на ней была не просто ошибкой, а величайшим несчастьем, исковеркавшим его жизнь. Надо было давно от нее уйти и найти кого угодно, кто мог бы выносить и родить здоровое дитя. Он никогда не думал, что будет до такой степени хотеть ребенка, – но он хотел здорового, полноценного человека, и всю его жалость к жене, все, что он испытывал прошлой ночью, смыло ненавистью. В каком-то умопомрачении, ничего не замечая вокруг, он шел по улице, размахивая руками, что-то бормотал, выкрикивал отдельные бессвязные слова, и в один бесконечный ряд сливались перед его глазами глуповатое, круглое лицо детского доктора, старухи в приемном отделении, всех, кто пытались его утешить, но он отторгал теперь любое сочувствие – ему хотелось, чтобы из темноты кто-нибудь на него набросился, хотелось грязно ругаться, драться, злобствовать и проклинать.

«Боже, Боже, что это со мной? За что мне такое? Надо остановиться и взять себя в руки. Нельзя так распускать себя. Где я?» Он огляделся и увидел, что вокруг давно уже нет ни жилых домов, ни людей – только кое-где горели скупые фонари и из-за высоких заборов лаяли собаки. Его окружали склады, ангары, строительная площадка, башенные краны и занесенные снегом, с выбитыми стеклами машины. Потом послышался шум, и он увидел электричку, слепящей фарой прорезавшую темноту, и летевшие на свет снежинки. Он пошел через рытвины вперед, спотыкаясь и падая, не видя ничего под ногами, и даже на какое-то время забыл о жене и ребенке, потом вышел на полотно железной дороги и побрел по шпалам. Он не знал, какая эта дорога и куда она ведет. По-прежнему вокруг не было ничего, кроме заборов с одной стороны и леса с другой, прошел встречный поезд, окатив его грохотом и запахом электричества. Наконец показалась впереди платформа, и он понял, что это была та самая железнодорожная ветка, возле которой они жили.

Когда он подходил к дому, то увидел в окнах свет. «Ну вот и все, ребенка больше нет, а ее привезли домой». И даже не разобрал, что в первый момент ощутил: ужас или облегчение. Только мелькнуло в голове: таких детей неужели тоже хоронят в гробиках?

В открывшуюся дверь на него смотрели два испуганных женских лица: его матери и матери жены.

– Это вы звонили вчера ночью? – спросил он хмуро.

– Я звонила, – сказала теща, – я очень волновалась – где...

– Она родила.

– Как родила? Кого? – воскликнула теща. – И сколько весит?

Он ответил.

– У меня-то были одна три с половиной, а другой четыре двести, – произнесла она с превосходством, заключавшим в себе всю прихотливость ее взаимоотношений с дочерью.

Мужчина с испугом посмотрел на мать: неужели и та не удержится и скажет что-нибудь подобное, но мать молчала, и ее обычно замкнутое лицо (она была этой замкнутостью похожа на жену или, вернее, жена была на нее похожа) показалось ему необыкновенно красивым и нежным. Ему захотелось сказать ей о своей душевной муке, ей, единственно его любившей и принимавшей таким, как есть, но его стесняло присутствие третьего человека, и он промолчал. Теща, истолковав тишину по-своему, стала что-то говорить, и мужчина ушел гулять с собакой.

Продолжение следует.

Опыт построения исповеди по Заповедям блаженства

Продолжение.
Начало в № 5 (107).

Если обратиться к нашему времени, то оно особенно характеризуется отчужденностью людей, потерей сердечной связи, взаимного доверия и искреннего, доброжелательного влечения одного к другому. Даже среди членов одной и той же семьи заметны желания отъединиться, отгородиться перегородками, чтобы иметь свой, особый угол. Это происходит потому, что не создана гармония у каждого члена семьи внутри себя, чтобы на основе этого внутреннего мира искать и создавать мир и с близкими, и со всеми другими людьми. Только когда во Иисусе Христе восстанавливается мир внутренний в человеческом сердце, тогда восстанавливается связь этого сердца со своими ближними. Эта связь выражается в единстве слова, духа и мысли. *«Умоляю вас, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы все вы говорили одно, и не было между вами разделений, но чтобы вы были соединены в одном духе и в одних мыслях»* (1 Кор. 1, 10).

Чем же мы нарушаем согласие и мир? Мы упрямы и своенравны , до предела настойчивы в своих мнениях и желаниях, в спорах неуступчивы, даже если понимаем, что неправы, только бы наше слово было последним. Мы тщеславны и славолюбивы , считаем себя умнее, лучше других, ни в чем не имеем намерения уступить, не имеем и признаков скромности, завидуем решительно всему: и богатству, и счастью, и здоровью, и способностям, и успехам в жизни других. Отсюда всячески стараемся принизить чужие заслуги, а то и очернить или оклеветать ближнего. Какое же это миролюбие?

Господи, прости нас, грешных!

Следующей причиной нарушения согласия и мира является желание властвовать, поучать других. Кто из нас в своем кругу не болен этим греховным желанием? И к каким раздорам, раздражениям, вплоть до ненависти, приводят в наших отношениях эти желания!

Теперь никто и никому не хочет подчиняться, уступать, кого-то послушаться... Это касается и детей по отношению к родителям, и подчиненных по отношению к начальству. Везде мы показываем свою строптивость и намеренную гордыню.

Еще одним врагом мира является своекорыстие, то есть предпочитание своих выгод выгодам ближних. Кто из нас может сказать, что для сохранения мира, во имя братской любви умеет жертвовать своими удобствами и выгодами? Да мы готовы, как говорят в народе, глотку перегрызть тому, кто покушается в чем-то утеснить нас.

Если мир как-то нарушен, то братская любовь требует вспыхнувшую искру раздора скорее погасить. Если мы сами подали повод к чьему-либо оскорблению, то мы должны скорее спокойно объяснить свое намерение и поступок, который он понял в противоположном смысле. Если же кто и в самом деле потерпел от нас оскорбление или вред, то мы обязаны смиренно попросить прощения и удовлетворить за вред. А если мы сами оскорблены или обижены другими, то должны быть удобопреклонны к примирению: когда оскорбляющие у нас просят прощения, надо немедленно с готовностью простить, а иногда для обоюдного блага полезно оскорбленному самому искать примирения, когда оскорбивший по жестокости характера не заботится об этом. Поступаем ли мы так в своих взаимоотношениях с ближним? Нет!

***Архимандрит Иоанн (Крестьянкин, 1910-2006)** – служил в храме на Ваганьковском кладбище в Москве. В 1950 году власти арестовали его по обвинению в антисоветской агитации и отправили на семь лет в лагеря. В 1966 году иерей Иоанн принимает монашество, а с 1967 года становится насельником Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, где и подвизается до самой своей блаженной кончины.*

Мы постоянно кого-то обижаем, постоянно дуемся на кого-то, сердимся, враждуем без примирения. Посмотрите на себя – постоянно ссорящиеся, враждующие, недоверяющие друг другу! Не ваш ли портрет описал святитель Григорий Нисский: «Они встречаются угрюмо и друг другом всегда гнушаются: уста их безмолвны, взоры отвращены, и слух одного закрыт для слов другого. Все, что приятно для одного из них, ненавистно для другого, и, напротив, что ненавистно одному, то нравится другому».

Стыдно, совестно со стороны посмотреть на себя. Мы даже сами того не замечаем, что, постоянно пребывая в несогласиях и ссорах, раздорах и вражде с ближними, делаемся все более холодными, бесчувственными, жестокими, дикими, свирепыми, и не человеками и не христианами. Это к нам относится грозное предупреждение апостола: *«Если же друг друга угрызаете*

и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом» (Гал. 5, 17). Смотрите! Когда-нибудь откроются перед нами плоды нашей земной вражды, и мы ужаснемся! Бог хочет миротворцев, а мы ссоримся! Бог хочет созидателей мира, а мы разрушаем его даже там, где он есть, своей болтливостью и злонамеренными сплетнями и пересудами с искажением истины.

«Господь совершенно истребляет и уничтожает все противоестественное и чуждое добру. Подобную же деятельность Он заповедует каждому, именующему себя христианином. Каждый из нас должен погашать ненависть, прекращать вражду, мщение, уничтожать ссоры, изгонять лицемерие, угашать в сердце памятозлобие, и вместо него вводить все противоположное: любовь, радость, мир, благость, великодушие, словом, все собрание благ...

Господь потому и называет миротворца сыном Божиим, что доставляющий такое спокойствие человеческому обществу делается подражателем Истинному Богу» (святитель Григорий Нисский).

Если же озлобление и немирство проявляются между верующими во Христа, если люди относятся с горечью и недружелюбием друг к другу по каким-либо причинам или по узости своих взглядов, то какой позор мы накладываем на имя Христово! Как часто среди неверующих возникают такие разговоры, мол, что толку, что они в Бога верят, посты соблюдают, из церкви не выходят, а посмотрите, как живут: и ссорятся, и осуждают, и клевещут, и враждуют между собой, а нас и за людей-то не считают совсем!

Господи, прости нас, грешных! Умири нашу жизнь, Господи, умягчи нашу жестокость, дай нам любовь, побеждающую все восстающее против нас. Пусть послушание этому слову – ищи мира и стремись к нему – восторжествует над всеми раздорами, которые отравляют жизнь и сердце.

Мир имейте *«и Бог любви и мира будет с вами»* (2 Кор. 13, 11).

Восьмая заповедь блаженства: Блажени изгнани правды ради, яко тех есть Царствие Небесное

Под правдою в этой заповеди разумеется вера христианская и жизнь по заповедям Христовым. Значит, блаженны те, которые гонимы за веру и благочестие, за добрые дела свои, за постоянство и непоколебимость в вере.

Но отчего мир гонит истинную веру, благочестие, правду, которые столь благотворны для людей, ибо вносят в человеческое общество единство, взаимную любовь, добрые нравы, мир, тишину, порядок?

Оттого, что мир во зле лежит, и люди возлюбили злобу паче благостыни.

Спаситель в Нагорной проповеди указал на два пути жизни: широкий (пространный) и узкий (тесный). Широкий путь – «широкие врата» – ведет к погибели, и многие идут этим путем, а узкий ведет в жизнь, то есть дарует спасение. Узкий путь, или *«тесные врата»*, требует подвига, постоянной духовной борьбы с грехом и со всеми препятствиями на этом пути. Против этого пути восстает наша плоть, наша испорченная первородным грехом природа, для которой стеснительно попечение о чистоте тела и сердца. Восстает враг рода человеческого, которому претит забота людей о своем спасении. Восстают и окружающие люди, которым добрая жизнь верующих людей кажется обличением их, укоризною для них.

Все это восстание, особенно со стороны людей, злобно настроенных против верующих, направлено против самой правды Божией . Злые, развращенные люди всегда ненавидели праведных и гнали, и будут ненавидеть и гнать. История помнит многих из этих гонителей. Первым из них был Каин, убивший Авеля за его благочестие. Злонравный Исав гнал кроткого своего брата Иакова. Дети Иакова гнали брата Иосифа и продали его в Египет, чтобы он своим добронравием не был у них бельмом на глазу. Кроткого Давида до смерти гнал несчастный Саул. Иудеи гнали и

Продолжение на стр. 26-27.

Продолжение. Начало на стр. 24-25.

били пророков своих, обличающих их беззаконную жизнь, и наконец гнали и убили величайшего Праведника, Исполнение закона и пророков, Солнце Правды – Господа нашего Иисуса Христа. После вознесения Спасителя открылся длительный период страшных гонений на последователей Иисуса Христа. Все эти гонения происходили и происходят, как указывает Сам Господь, за правду. Не за правду вообще – житейскую, служебную, общественную, а за самую насущную для человека – за правду Христа. Только эта правда отвечает основным запросам человеческого духа и только она помогает по-настоящему разрешить и все остальные запросы (или правды) человеческой жизни: житейско-семейные, служебно-трудовые и социальные.

Гонение за правду выражается в многообразных формах. От невероятных, зверских мучений, коим подвергали мучеников христианских за исповедание Христа в первые века христианства, до насмешек, осуждений, оскорблений и пренебрежения к верующим, как якобы людям отсталым, несовременным и даже вредным. В основе этой вражды лежит человеконенавистническая неприязнь, и не только к людям, но, как мы уже говорили, и к самой правде Божией.

Какие же требования предъявляются нам этой заповедью?

1. Любовь к правде, или истине. Достойно ли мы любим правду Божию? Нашу христианскую веру и жизнь по заповедям Христовым? Нет!

Господи, прости нас, грешных!

Если бы мы любили правду Божию, нашу христианскую веру и жизнь по заповедям Божиим, то дорожили бы каждой минутой своей жизни, употребляли бы их на поучение в Законе Божием, на молитву, на доброделание, на искоренение дурных наклонностей нашей природы.

А мы растворились в любви к миру и «яже в мире». Настолько растворились, что и отличаемся от прочих неверующих разве только хождением в церковь и соблюдением с большой натяжкой кое-каких правил церковных и внешних обрядов, или своей подчеркнуто особой манерой одеваться. Может, кто из вас надевал особого покроя черную одежду, заматывал голову черным до кончика носа, надевал на руки четки – все эти, не соответствующие вашему званию и поэтому нелепо, на посмешище неверующим, выглядящие формы одежды, – и уже думал, что угождает Богу внешней личностью своей? Кайтесь Господу!

Ибо еще книжникам и фарисеям, любящим отличаться от прочих своим внешним, якобы благочестивым видом одежды, Господь сказал: *«Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония»* (Мф. 23, 27–28). Господи прости нас, грешных, за это.

Может, кто из вас не воспитал в свое время в детях своих религиозности, любви к храму, веру в Таинства Церкви, а теперь настоял насильно на том, чтобы сын или дочь пришли в храм, причастились или повенчались? И они, чтобы как-то отвязаться от ваших настырных просьб, приступили к Таинствам без веры, а может, и с кощунством в душе, а вы еще и порадовались об этом их мнимом обращении к вере.

Кайтесь Господу, ибо через это поругана святыня лично вами!

Прости, Господи, нас, грешных, так неразумно стремящихся исправить ошибки многих лет своей беспечной жизни, когда мы и сами о Боге не думали, и детям не прививали ничего религиозного.

Может, кто из вас сомневался в истинности Церкви, к которой принадлежите по крещению? Сочувствовали сектантам и оторвавшимся от Церкви самочинникам, раздирающим хитон Христов. Да еще и других смущали своими суждениями и осуждениями, которые определенно далеки от истины, потому что надо много знать, много чувствовать, много понимать, чтобы иметь право не только осуждать, а просто рассуждать о Церкви.

Господи, прости нас, грешных, потерявших всякий страх и в дерзости своей зашедших так далеко, что дерзали судить о судьбах Церкви!

Господи, мы все почти поголовно безграмотные или полуграмотные в вопросах вероучения, правил церковных, церковного Устава, ни за что не отвечающие перед Господом, кроме спасения своей души, не имея ни малейшего морального права, привыкли постоянно осуждать священнослужителей и добрались в своем осуждении уже до иерархов церковных и даже до Патриарха. Кайтесь!

Таковые есть неразумные дети церковные и по положению своему в Церкви, как пасомые, и по своему духовному разуму, не имеют ни малейшего понятия о глубине трудностей и величайшей ответственности перед Богом тех, коим Господь вручил пасти овцы Своя. Наша святая обязанность от всего сердца помогать им своей молитвой, а не кидать в них камнями осуждения. И без вас найдутся толпы людей, желающих побить служителей Христовой Церкви «камнями».

Господи, прости нас, грешных!

Мы ругаем, осуждаем тех, кого и без нас презирает и ненавидит неверующий мир, повторяем грех Хама, не покрывшего наготу своего отца, – это в том случае, когда осуждаем священнослужителей за обычные человеческие слабости и недостатки, причем осуждаем с невероятным пристрастием, как будто священник по природе своей телесной не такой же человек, как и мы все. А подумал ли кто из вас, грозные и немилосердные судьи, на какое бесчестье среди мира обрекает себя сейчас человек, принимающий сан священника, чтобы в храмах служилась литургия, за которой вы причащаетесь Святых Христовых Таин, чтобы крестить, соборовать, отпевать, прощать вам грехи, которые, кроме священника, никто вам разрешить не может! Вот хоть за это благодеяние, исходящее к вам от Бога через лиц, принимающих на себя вместе с рукоположением в священнический сан подвиг добровольного мученичества, оставьте злое осуждение.

Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Если оскорбление, причиненное слугам земного царя, исполняющим его волю, навлекает великое наказание на оскорбителей царских слуг, то какому наказанию подвергнутся те христиане, которые не только не уважают, но даже оскорбляют служителей Царя Небесного!» Помните всегда – где нет уважения к священническому сану, там нет уважения к религии. Безнравственные люди всех времен и ни о чем так не заботились, как ослабить клеветами и злословием уважение к священному сану. Вот кому мы способствуем, осуждая и злословя служителей Церкви! И воображаем, что ратуем за правду!

Господи, прости нашу слепоту и крайнее неразумение!

А может, среди вас есть страшные кощунники, которые, прикрываясь видимым хождением в храм, приступают к Таинствам Церкви и особенно к Таинству Причащения Святого Тела и Крови Господней, будучи тайными сектантами или зараженными всякими философскими измышлениями? Не дерзайте и дальше искушать долготерпение Божие. Помните, Бог поругаем не бывает, смотрите, как бы вам не сгореть от прикосновения к Святым Тайнам, которые есть огонь, недостойных опаляющий. Надо, наконец, прозреть, опомниться, искренне, лично покаяться священнику, который после покаяния должен еще молитвенно присоединить вас к Церкви, от которой таковые давно невидимо отлучены Богом. Если кто из вас лично знаком с такими людьми, избегайте общения с ними, как с необычайно легко распространяющейся заразой.

Из жизни проповедника любви, кротко, с любовью относившегося ко всем грешникам, побежавшего в горы за разбойником, чтобы отвратить его от греха, Апостола Иоанна Богослова, дошло одно повествование. Встретившись в бане с одним еретиком, он поспешно сказал своему ученику: «Бежим отсюда, баня может загореться, ибо в ней находится этот несчастный грешник!»

Зачем тебе, православный христианин, любопытствовать о ложных вероучениях и водить дружбу с зараженными сектантством?

«Хочешь спастись, – говорит Иоанн Златоуст, – пребывай в Церкви, и она не выдаст тебя. Церковь есть ограда. Если ты внутри той ограды, то тебя не тронет волк, если выйдешь вон, то будешь похищен зверем. Не уклоняйся же от Церкви. Нет ничего в мире сильнее ее. Она – твоя надежда, в ней твое счастье!»

Возможно, среди нас нет тайных сектантов и еретиков, и мы со всею искренностью считаем себя православными христианами, православными, то есть имеющими правильную, истинную веру во Христа. А так ли это на самом деле? Не заменяем ли мы часто веру суевериями, то есть суетной, ложной верой? Может, кто из вас, не веря в благой Промысел Божий о нас, обращался когда к волшебникам, гадателям и ворожеям? Кайтесь Господу, это великий грех!

Сам Бог через святого пророка Иеремию говорит: *«Вы же не слушайте лжепророк ваших и волхвующих вам и видящих сония вам, ни чарований ваших, ни обаятелей ваших... яко лжу прорицают тии вам...»* (Иерем. 27, 9–10). По правилам Святой Церкви тех, кто обращается к волшебникам и всяким прочим гадателям и ворожеям, надо на шесть лет отлучать от Святого Причащения. Кайтесь Господу!

Господи, прости наше недоверие к Тебе!

Может, кто из вас ходил заговаривать болезни к разным гадателям, шептунам и бабкам, да еще оправдывался, что они, мол, читают молитвы и крестят больное место. А разве Таинство Соборования, установленное Церковью для исцеления болящих, по воле Божией, через благодать Святого Духа менее помогает получит исцеление? Почему вы, именующие себя православными христианами, советуете своим близким пойти к «бабке» заговорить болезнь, а не советуете скорее приступить к Таинству Елеопомазания? Выходит, верите заговорам больше, чем Таинствам Церкви?

Господи, пощади нас, грешных!

Мы истинную веру смешали с суеверием, верим всяким силам, предчувствиям, гаданиям, колдовству. Это наследие нашего языческого прошлого. Прошло 1000 лет после Крещения Руси, а все никак не можем отложить суеверия и быть действительно православными христианами!

Продолжение следует.

3 июня – День Святой Троицы. Пятидесятница

Троица празднуется через семь недель после Пасхи, в 50-ый день, в воскресенье

Тропарь праздника

Благословен еси, Христе Боже наш, Иже премудры ловцы явлей, низпослав им Духа Святаго, и теми уловлей вселенную, Человеколюбче, слава Тебе.

Совершилась икономия нашего спасения! Действия всех Лиц Пресвятой Троицы в сем деле отныне вступили в силу. Чему быть благоволил Бог-Отец, что исполнил в Себе Сын Божий, то присвоить верующим снисшел ныне Дух Святый. Ибо спасение наше *«по предведению Бога Отца, при освящении от Духа, к послушанию и окроплению Кровью Иисуса Христа»* (1 Пет. 1, 2). Того ради и «крещаемся во имя Отца и Сына и Святого Духа», обязуясь *«соблюдать все, что Я повелел вам»* (Мф. 28, 19-20). Не исповедующие Пресвятой Троицы не могут иметь части в спасительных действиях Лиц Ее и, следовательно, получить спасение. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице единосущной и нераздельной, предавшей нам исповедание о Себе! *«Отче Вседержителю, Слове и Душе, треми соединяемое во Ипостасех естество пресущественно, и пребожественно, в Тебя крестились, и Тебя благословим во все веки».*

Святитель Феофан Затворник

По благодати Пресвятого Духа мы сподобились праздновать Святую Пятидесятницу – Сошествие Святого Духа. О Его Сошествии Иисус Христос сказал: *«лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не приидет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам... Когда же приидет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину...»* (Ин. 16, 7,13). Это обетование и благодеяние Его столь велико, что мы и понять Его не можем: ибо Господь обетовал послать не Ангела, не человека, но Самого Соестественного Духа.

Итак, Единородный Сын Божий, исполнив Отеческое дело, восходит на Небеса, а Дух Святый нисходит: не иной Бог (да не будет!), – но иной Утешитель, как написано. О, неизреченное человеколюбие! Сам Бог соделался Утешителем нашим. Так Он, подлинно, утешает отягченных несчастиями, предохраняя их от изнеможения духом, как свидетельствует об этом святой апостол, говоря: *«отвне – нападения, внутри – страхи. Но Бог, утешающий смиренных, утешил нас...»* (2 Кор. 7, 5-6). Он утешает устрашенное демонскими страхованиями сердце, возводя его через дерзновенное упование к непобедимому мужеству, как свидетельствует святой Давид: *«потому что Ты, Господи, помог мне и утешил меня»* (Пс. 85, 17). Он утешает, воодушевляя мятежный ум, что ему дан был пир с Богом и покой, как свидетельствует апостол, говоря: *«от имени Христова просим: примиритесь с Богом»* (2 Кор. 5, 20).

Видишь неисследимое снисхождение? Видишь дар несравненный? Горе – на Небесах, Единородный Сын ходатайствует о нас пред Отцом, как написано: *«Он и одесную Бога, Он и ходатайствует за нас»* (Рим. 8, 34). Долу – на земле, Дух Святой утешает нас многообразно.

Преподобный Феодор Студит

Сошествие Святого Духа на апостолов

После вознесения Иисуса Христа наступил десятый день: это был пятидесятый день после Воскресения Христова. У евреев тогда был великий праздник Пятидесятницы в память Синайского законодательства. Все апостолы, вместе с Божией Матерью и с другими учениками Христовыми и прочими верующими, единодушно находились в одной горнице в Иерусалиме. Был третий час дня, по еврейскому счету часов, т. е. по нашему – девятый час утра. Вдруг сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где находились ученики Христовы. И явились огненные языки и почили (остановились) по одному на каждом из них. Все исполнились Духа Святого и стали славить Бога на разных языках, которых прежде не знали. Так Дух Святый, по обетованию Спасителя, сошел на апостолов, в виде огненных языков, в знак того, что Он дал апостолам способность и силу для проповеди Христова учения всем народам; сошел же в виде огня в знак того, что имеет силу опалять грехи и очищать, освящать и согревать души.

По случаю праздника Пятидесятницы, в Иерусалиме в это время было много евреев, пришедших из разных стран. Услышав шум, огромная толпа народа собралась около дома, где были ученики Христовы. Все в народе изумлялись и спрашивали друг друга: *«не все ли они галилеяне? Как же мы слышим каждый свой язык, в котором родились? Как они могут говорить нашими языками о великих делах Божиих?»* И в недоумении говорили: *«они напились сладкого вина»*.

Тогда апостол Петр, вставши вместе с прочими одиннадцатью апостолами, сказал, что они не пьяны, но что на них сошел Дух Святый, как это и было предсказано пророком Иоилем, и что Иисус Христос, Которого иудеи распяли, воскрес из мертвых, вознесся на небо и излил на них Святого Духа. Заканчивая проповедь об Иисусе Христе, апостол Петр сказал: *«итак, твердо знай, весь народ израильский, что Бог послал Спасителем и Христом Сего Иисуса, Которого вы распяли»*.

Проповедь Петра так подействовала на слушавших ее, что весьма многие уверовали в Иисуса Христа. Они стали спрашивать Петра и прочих апостолов: *«что нам делать, мужи братия?»*

Петр ответил им: *«покайтесь и креститесь во имя Иисуса Христа для прощения грехов; тогда и вы получите дар Святого Духа»*.

Уверовавшие во Христа охотно приняли крещение, таких оказалось в этот день около трех тысяч человек. Таким образом начало устрояться на земле Царствие Божие, т. е. святая Церковь Христова.

Со дня сошествия Святого Духа вера христианская стала быстро распространяться, при помощи Божией; число верующих в Господа Иисуса Христа день ото дня увеличивалось. Научаемые Святым Духом, апостолы смело проповедовали всем об Иисусе Христе, Сыне Божием, о Его страданиях за нас и воскресении из мертвых. Господь помогал им великими многочисленными чудесами, которые совершались через апостолов именем Господа Иисуса Христа. Первоначально апостолы проповедовали евреям, а потом разошлись по разным странам для проповеди всем народам. Для совершения таинств и проповедания учения христианского, апостолы поставляли через рукоположение епископов, пресвитеров (священников или иереев) и диаконов.

Та благодать Святого Духа, которая была явно преподана апостолам, в виде огненных языков, теперь подается в нашей Святой Православной Церкви невидимо – в ее святых таинствах, через преемников-апостолов – пастырей Церкви – епископов и священников.

(Прим: см. в Деянии Свв. Апостолов, гл. 2, гл. 14, 23).

Глава из Закона Божия Серафима Слободского

Дорогие братья и сестры!

В июне заканчивается подписка на 2-е полугодие 2012 года. Если вы еще не подписались на наши издания, поспешите, а также посоветуйте подписаться своим близким.

Да хранит вас Господь.

НП «Светоч» предлагает вам подписаться на 2-е полугодие 2012 года:

Православная газета «Святой Покров». Выходит 2 раза в месяц, 32 страницы, формат А4. Стоимость подписки на полугодие – **351 руб. 54 коп.** Подписной индекс – в каталоге «Почта России» **24668.**

Газета «Тивлет» – православная газета на чувашском языке. Выходит 1 раз в месяц, 8 страниц, формат А4. Стоимость подписки на полугодие – **88 руб. 08 коп.** Подписной индекс в каталоге «Почта России» **15634.**

Подписаться на наши издания вы можете в любом почтовом отделении России.

Также можно оформить подписку на газеты «Святой Покров» и «Тивлет» через интернет-магазин: заходите на сайт http://vipishi.ru/. Кликните раздел «Каталог подписки онлайн», далее открываете рубрику «Религия. Философия. Социология. Психология», смотрите наши издания в этом разделе на стр. 4.

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ НА ИЮНЬ

2 ИЮНЯ. Троицкая родительская суббота. Обретение мощей свт. Алексия, митр. Московского, всея России чудотворца.

3 ИЮНЯ. ДЕНЬ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ. ПЯТИДЕСЯТНИЦА. Неделя 8-я по Пасхе. Владимирской иконы Божией Матери. Равноапп. царя Константина и матери его царицы Елены.

4 ИЮНЯ. ДЕНЬ СВЯТОГО ДУХА.

5 ИЮНЯ. Обретение мощей свт. Леонтия, еп. Ростовского. Собор Ростово-Ярославских святых. Прп. Евфросинии, игумении Полоцкой. По благословению Святейшего Патриарха Кирилла на этот день с 21 мая ст. ст./ 3 июня н. ст. переносится полиелейная служба Владимирской иконы Божией Матери и может быть перенесена служба равноапп. Константина и Елены.

7 ИЮНЯ. Третье обретение главы Предтечи и Крестителя Господня Иоанна.

10 ИЮНЯ. Неделя 1-я по Пятидесятнице, Всех святых. Заговенье на Петров пост.

11 ИЮНЯ. Свт. Луки исп., архиеп. Симферопольского. **Начало Петрова поста.**

14 ИЮНЯ. Прав. Иоанна Кронштадтского.

17 ИЮНЯ. Неделя 2-я по Пятидесятнице, Всех святых в земле Российской просиявших.

24 ИЮНЯ. Неделя 3-я по Пятидесятнице. Апостолов Варфоломея и Варнавы.

27 ИЮНЯ. Собор Дивеевских святых.

29 ИЮНЯ. Перенесение мощей свт. Феофана, Затворника Вышенского.

Дорогие читатели! Просим не использовать газету в хозяйственных нуждах. Прочитав ее, можно передать родственникам, знакомым. Если же она пришла в негодность, сожгите или отнесите в храм.

Подписной индекс газеты «Святой Покров» в каталоге «Почта России» – 24668. Цена свободная

СВЯТОЙ ПОКРОВ

Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-23265 от 31 января 2006 г.*

Учредитель –
Некоммерческое партнерство «Светоч»

Редакционная коллегия:
Александр Иванович Васильев – гл. редактор, Людмила Васильева.

Адрес для писем:
428012, г. Чебоксары, а/я 12
Адрес редакции:
г. Чебоксары, ул. А. Никитина, д. 11
Наш тел. (8352) 52-73-71
http://www.svetoch-pokrov.ucoz.ru/
E-mail: aleck.vasiljew2011@yandex.ru

Отпечатано в типографии Сорокина А. В. «Новое время» г. Чебоксары, ул. Мичмана Павлова, д. 50/1
Тираж 950
Заказ № 18/С2012-10
Дата выхода в свет: 15.05.2012